

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Материалы международной научно-практической конференции
(18 мая 2023 г.)

Омск
ОмА МВД России
2024

УДК 347(08)
ББК 67я23
К65

Редакционная коллегия:

- В. А. Гусев* — доктор юридических наук, доцент, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (председатель);
М. А. Бучакова — доктор юридических наук, доцент;
Д. А. Васильченко — кандидат юридических наук, доцент;
Е. В. Кошелев — кандидат юридических наук, доцент,
(ответственный секретарь);
В. Ф. Луговик — доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации

К65

Конституционализация оперативно-розыскной деятельности: мат-лы междунауч.-практ. конф. / пред. редкол. В. А. Гусев. — Омск : Омская академия МВД России, 2024. — 108 с.

ISBN 978-5-88651-859-7

В сборнике освещается проблема конституционно-правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, правоприменительная практика органов внутренних дел по обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Рассматривается роль и значение решений Конституционного Суда Российской Федерации в совершенствовании законодательства об ОРД.

Обсуждаемые проблемы представляют интерес для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, адъюнктов и аспирантов образовательных организаций МВД России и сотрудников оперативно-розыскных подразделений МВД России.

УДК 347(08)
ББК 67я23

ISBN 978-5-88651-859-7

© Омская академия МВД России, 2024

Д. Е. Баталов

Международно-правовые основы противодействия преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних

Посягательство на половую неприкосновенность несовершеннолетних является преступлением, которое наносит непоправимый вред потерпевшему. Преждевременное вовлечение в сексуальные отношения, деформированное представление о половой жизни, формирование последующего девиантного поведения — далеко не полный перечень рисков, с которыми сталкиваются жертвы насилия. В связи с этим половая неприкосновенность несовершеннолетних защищается как на государственном, так и на международном уровнях.

Международное сообщество в целях предупреждения и расследования данных преступлений работает по двум направлениям: формирование и совершенствование международных правовых актов, регулирующих правовой статус несовершеннолетних, а также взаимодействие международных правоохранительных органов, обмен опытом и информацией.

В системе международных правовых актов (деклараций, дополнительных протоколов, договоров), регулирующих защиту детей, следует выделить: Конвенцию о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.) и Факультативный протокол к ней, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи от 25 мая 2000 г.); Международную Конвенцию о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими от 12 сентября 1923 г.;

Согласно Конвенции ООН о правах ребенка защита детей является основополагающей целью государства. Государствам-участникам было бы целесообразно придать более широкий характер тем мерам, которые они должны принимать в целях обеспечения гарантий защиты ребенка от практики торговли детьми, детской проституции и детской

порнографии. В статье 10 Факультативного протокола закрепляется, что «государства-участники принимают все необходимые меры по укреплению международного сотрудничества путем заключения многосторонних, региональных и двусторонних договоренностей в целях предупреждения, обнаружения, расследования, уголовного преследования и наказания лиц, виновных в совершении деяний, связанных с торговлей детьми, детской проституцией, детской порнографией и детским секс-туризмом. Государства-участники содействуют также международному сотрудничеству и координации между своими органами, национальными и международными неправительственными организациями и международными организациями».

В сфере противодействия преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних правоохранительные органы реализуют следующие мероприятия: предупреждение безнадзорности; обмен оперативной информацией о выявлении организаций, занимающихся сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних; формирование баз данных о лицах и фактах совершения данного рода преступлений; взаимодействие с институтами гражданского общества в целях оказания содействия в поиске пропавших несовершеннолетних. Основным звеном взаимодействия правоохранительных органов в данной сфере являются двухсторонние контакты отдельных государств, а также международные организации, такие как ООН, ЮНИСЕФ, СНГ, Интерпол [1, с. 17; 2, с. 57].

Таким образом, следует признать стремление международного общества к консолидации усилий по противодействию преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Данный факт выражается в создании широкой системы международных правовых актов, которые обязывают государства прикладывать все усилия для построения эффективной системы предупреждения данного вида преступления. Однако наблюдается тенденция к ослаблению международного сотрудничества с отдельными странами, в том числе с Российской Федерацией со стороны США и стран Европы, что осложняет своевременное выявление и пресечение преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних.

Список источников

1. Бучакова М. А. Обеспечение права на неприкосновенность частной жизни в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности (по материалам решений Европейского суда по правам человека) // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

2. Засыпкин М. А. Обеспечение национальной безопасности оперативными подразделениями государственных органов // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

В. Н. Борков

Оперативно-розыскные властеотношения

Актуальным для теории и практики правоприменения является вопрос об уголовно-правовом статусе лица, уполномоченного на проведение оперативно-розыскных мероприятий. То обстоятельство, что в качестве таковых выступают сотрудники правоохранительных органов, еще не является убедительным аргументом, свидетельствующим о властном характере оперативно-розыскной деятельности. В соответствии с примечанием к ст. 318 УК РФ представителем власти является должностное лицо правоохранительного органа, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. «Либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности», дополняет Верховный Суд РФ [1]. «Основываясь на том, что государственная власть осуществляется на основе права, можно предположить, что властеотношениям присущи признаки правовых отношений» [2].

Анализ функций законодательной, исполнительной и судебной власти свидетельствует о присущем им свойстве порождать юридические последствия для субъектов регулируемых отношений, состоящие в предоставлении им прав и наложении обязанностей. Теории известны две формы осуществления должностными лицами властных полномочий: юридическая и фактическая или правовая и неправовая. «Неправовые формы в прямом виде не влекут юридические последствия, но их применение может стать основанием для применения органом государственного и муниципального управления правовых форм. Достаточно часто результаты применения правовых форм вызывают необходимость использования неправовых форм» [3, с. 56]. В деятельности сотрудников правоохранительных органов использование правовых и неправовых форм осуществления властных полномочий тесно взаимосвязано. Например, при проведении полицией блокирования территории (ст. 16 За-

кона о полиции) сотрудник может ограничить свободу передвижения гражданина. Если последний попытается не выполнить данное требование, то полицейский вправе инициировать привлечение нарушителя к административной ответственности за неповиновение законному распоряжению (ст. 19.3 КоАП РФ). И наоборот, юридическая (правовая) форма реализации власти может предшествовать фактической (неправовой). Такая ситуация возникает, когда сотрудник полиции физически задерживает лицо (п. 1 ч. 2 ст. 14 Закона о полиции), в отношении которого следователем было принято решение о применении меры процессуально-принуждения (ст. 91 УПК РФ).

Ни у кого не вызывает сомнения, что осуществление властных полномочий участниками уголовного судопроизводства на любой его стадии представляет собой уголовно-процессуальные властеотношения [4, с. 152]. В уголовном судопроизводстве, как разъясняет Р. Ф. Тоштемирова, властеотношения выражаются «в реализации одними участниками уголовного процесса требований уголовно-процессуального закона, предъявляемого другими его участниками» [5, с. 158]. «Властеотношения, — пишет А. Л. Бредихин, — являются особыми социальными отношениями, в которых присутствуют субъект власти, который наделен соответствующими безусловными правами, и подвластный субъект, у которого имеются обязанности по отношению к субъекту власти» [9, с. 72]. Представления о властеотношениях только как об установлении правил поведения и принуждении властвующим субъектом подвластного к соблюдению этих правил и к выполнению предъявляемых в их развитие требований, следует признать не полным. Задачи по обеспечению безопасности общества и борьбы с преступлениями решаются, в том числе, путем контроля над гражданами.

Посредством контроля уполномоченных субъектов за поведением отдельных лиц выявляются, предупреждаются, пресекаются и раскрываются преступления, т. е. гласно и негласно осуществляется оперативно-розыскная деятельность. Содержание последней образуют оперативно-розыскные мероприятия, в том числе и ограничивающие конституционные права граждан, что является исключительной прерогативой государства и происходит в рамках оперативно-розыскных властеотношений. В ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий могут ограничиваться права граждан на тайну телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, неприкосновенность жилища, право не быть подвергнутым опыту. В соответствии с ч. 2 ст. 21 Конституции РФ «никто не может быть без добровольного согласия подвергнут

медицинским, научным или иным опытам». В науке под опытом или экспериментом понимается процедура, осуществляемая для подтверждения или опровержения выдвинутой гипотезы. Подобные цели преследует оперативный эксперимент.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ «проведение оперативно-розыскных мероприятий закон связывает непосредственно с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений на досудебной стадии уголовного преследования...» [6]. Конституционный Суд РФ прямо указывает на то, что «часть первая статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [предусматривающая рассмотрение судом материалов об ограничении конституционных прав граждан] и корреспондирующий им пункт 11 части второй статьи 29 УПК Российской Федерации, представляют собой одну из форм выражения судебной власти» [7].

Оперативно-розыскные мероприятия проводятся гласно и негласно. «Негласное правоприменение представляет собой особую форму реализации норм права, которая проявляется в волевой деятельности специально уполномоченных субъектов в условиях, ограничивающих круг участников возникающих правоотношений» [8, с. 37]. Таким образом, гражданин может быть вовлечен в публичные отношения и подвергнут властному воздействию, не осознавая данного обстоятельства. Допустимость такого негласного правоприменения и ограничения прав, когда лицо по причине своей неосведомленности лишено возможности обжаловать соответствующие решения должностных лиц, была подвергнута сомнению гр. И. Г. Черновой в ее жалобе в Конституционный Суд РФ. Высший орган конституционного контроля указал на невозможность оперативно-розыскной деятельности «без значительной степени секретности», а также на то, что конспирация и засекречивание сведений не нарушают прав человека. Вместе с тем в своем определении Конституционный Суд РФ разъяснил, что «сведения о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина, о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами не подлежат отнесению к государственной тайне и засекречиванию» [10]. Итак, публичный характер оперативно-розыскной деятельности предполагает признание лиц, уполномоченных на проведение оперативно-розыскных мероприятий, представителями власти и возможными субъектами должностных преступлений.

Список источников

1. *О судебной* практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Бредихин А. Л.* Основания возникновения властеотношений // Экономика. Социология. Право. 2019. № 4.

3. *Мионов А. Н.* Административно-правовые формы государственного и муниципального управления : учеб. пособие. М., 2021.

4. *Божьев В. П.* Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975.

5. *Тоштемирова Р. Ф.* Вопросы власти и властеотношений в уголовном процессе // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2.

6. *Определение* Конституционного Суда РФ от 31 января 2023 г. № 30-О.

7. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П.

8. *Десятов М. С.* Тектонические сдвиги в представлениях о сущности правоприменения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1.

М. А. Бучакова

Применение норм международного права в оперативно-розыскной деятельности

Нормы международного права, являясь составной частью российской правовой системы, применяются при осуществлении оперативно-розыскной деятельности специализированных подразделений одновременно с Конституцией РФ, Федеральным законом «Об оперативной-розыскной деятельности» [1], федеральными законами и иными нормативными документами.

Оперативно-розыскные подразделения действуют в соответствии с решениями международных организаций, участником которых является Российская Федерация. Так, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), действующий на нормах Конвенции, оказали большое влияние на применение специальных средств расследования в оперативно-розыскной деятельности специализированных подраз-

делений. Постановления ЕСПЧ подтвердили факты использования неприемлемых методов в деятельности оперативно-розыскных подразделений как в России, так и в других странах. Решения данного судебного органа способствовали реализации принципа законности при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, так как каждый выявленный факт нарушений и постановление, вынесенное ЕСПЧ против конкретного государства, требовали устранения порочной практики и осуществления деятельности в соответствии с нормами права. Так, в постановлениях ЕСПЧ: от 3 апреля 2007 г. по делу «Копланд против Соединенного Королевства» — резюмировалась необходимость сохранения конфиденциальности информации в телефонных переговорах и электронной почте; от 10 марта 2009 г. по делу «Быков против Российской Федерации» назывались такие способы нарушений прав и свобод, как скрытое аудиовидеонаблюдение; от 28 января 2014 г. по делу «Хан против Соединенного Королевства» — анализировалось использование прослушивающих устройств; от 2 сентября 2010 г. по делу «Узун против Германии» — оценивалось GPS-наблюдение. Анализ указанных решений и требований об их исполнении свидетельствует о стремлении к унификации деятельности специализированных государственных подразделений в соответствии с требованиями предписаний международного уровня. Определенное внимание ЕСПЧ уделяется провокации, применяемой сотрудниками оперативно-розыскных подразделений. Подстрекательство со стороны полиции, с одной стороны, способствует выявлению преступных деяний, с другой стороны, грубо нарушает права лиц, в отношении которых применяется, подталкивая к совершению преступлений. В постановлении по делу «Худобин против России» ЕСПЧ указал, что «применение агентов под прикрытием должно быть ограничено». ЕСПЧ признал, что «использование особых следственных методов — в частности, агентурных методов — само по себе не нарушает право на справедливое судебное разбирательство. Однако ввиду риска подстрекательства со стороны полиции при использовании таких методов их использование должно быть ограничено четкими рамками». В связи с этим Европейским Суд указал: «Полиция вправе действовать под прикрытием, но не подстрекать к преступлению».

Выход Российской Федерации из Совета Европы, а также всех органов, входящих в его состав, привели к невозможности для Российской Федерации действовать в соответствии с международными документами Совета Европы. Так, на основании Федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Фе-

дерации международных договоров Совета Европы» Конвенция о защите прав человека и основных свобод, а также другие конвенционные соглашения Совета Европы прекратили свое действие в отношении России. Несмотря на это, Российская Федерация исполняет другие международные договоры, к которым присоединилась на основе Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Одновременно решения других международных органов сохраняют свое действие в отношении России, например, международного органа по защите прав человека — Комитета ООН по правам человека. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» (2013 г.) является документом международного уровня относительно регулирования прав человека, связанных с цифровыми технологиями. Международными организациями «подтверждено, что права, которые человек имеет в офлайновой среде, должны также защищаться и в онлайн-новом режиме, особенно право на неприкосновенность личной жизни». Эти положения реализуются в Российской Федерации посредством их закрепления в федеральном законодательстве, регулирующем вопросы применения цифровых технологий.

Неоднократно Верховный Суд РФ обращался к вопросу применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ. Так, в Обзоре практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ при рассмотрении уголовных дел Верховный Суд указал, что при толковании международного договора РФ суды должны принимать во внимание положения Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., учитывать практику ЕСПЧ, иных международных договорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, формируемую как по делам в отношении РФ, так и третьих государств. В Обзоре отмечено, что «суд должен отказать в удовлетворении ходатайства о проведении следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав человека, если будет установлено, что такие действия в обстоятельствах дела не являлись необходимыми (пропорциональными, соразмерными преследуемой социально значимой цели)».

Следует отметить, что международное сотрудничество в сфере оперативно-розыскной деятельности основывается на общих для государств принципах, правилах и стандартах борьбы с преступностью [1; 2]. В частности, ст. 11 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. пред-

полагает для государств-участников возможность применения контролируемой поставки, которая в соответствии со ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» является одним из оперативно-розыскных мероприятий. В Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (ст. 20. «Специальные методы расследования») предусмотрено применение в сотрудничестве методов, которые в соответствии с российским законодательством осуществляются в рамках оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем различия в правовых системах государств могут вести к ситуациям, когда запрашиваемое действие по российскому законодательству является оперативно-розыскным мероприятием, а по законодательству запрашиваемого государства — это следственное действие. В связи с этим на международном уровне предпринимаются меры по унификации законодательства государств.

Список источников

1. *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Бучакова М. А.* Обеспечение права на неприкосновенность частной жизни в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности (по материалам решений Европейского суда по правам человека) // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

3. *Засыпкин М. А.* Обеспечение национальной безопасности оперативными подразделениями государственных органов // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

Т. Е. Грязнова

Конституционные основы деятельности полиции в интерпретации Н. М. Коркунова

Интерес к полиции как важнейшему институту, обеспечивающему стабильность правопорядка, существенно возрастает в переломные периоды развития государства, когда особо остро ощущается потребность поддержки власти со стороны народа, что во многом обусловлено ее способностью нейтрализовывать и пресекать какие-либо угрозы со сторо-

ны антиобщественных элементов в отношении гражданского населения. Не случайно конец XIX — начало XX вв. **являет устойчивый интерес к полицейской проблематике** не только со стороны специалистов, но и практически всех юристов — и ученых, и практиков.

Так, определяя место и назначение полицейских органов в свете прогнозируемой конституционной трансформации правовой системы Российской империи, Н. М. Коркунов исходит из свойственной либеральным представителям отечественной юриспруденции трактовки разделения функций государственной власти как основного гаранта ее правового характера. Отличительный признак публичной власти заключается, по мнению Н. М. Коркунова, в ее принудительности: «**Действительная отличительная особенность государства — это то, что оно одно осуществляет самостоятельно принудительную власть. Все другие союзы... функцию принуждения осуществляют только по умолчанию и под контролем государства**» [1. с. 293].

Монополию принуждения государственная власть поддерживает посредством целого ряда органов, важнейшим из которых является полиция. Применяемое легитимными органами государственной власти принуждение «дисциплинируется» правом. «Распоряжениям полицейского подчиняются... потому, что за ним признано право на осуществление определенных функций власти. Обязанность подчинения его велениям поддерживается, прежде всего, именно сознанием права, а затем угрозой наказания или других невыгодных последствий, связываемых с неисполнением законных распоряжений» [1, с. 303], — **подчеркивает Н. М. Коркунов**. Соответственно, полиция в рамках этого подхода трактуется в качестве административного органа исполнительной власти, посредством которого государство осуществляет в первую очередь функцию охраны правопорядка, обеспечивая законность и безопасность граждан. В России полицейские органы являются «общими исполнительными органами, так что принудительное осуществление всех вообще распоряжений администрации... совершается по общему правилу полицией» [2. с. 410], — **подчеркивает Н. М. Коркунов**.

И если статус и полномочия политической полиции напрямую зависят от формы правления и политического режима того или иного государства, то назначение уголовной полиции, заключающееся в предупреждении и пресечении преступлений, а также охране правопорядка, минимизирует воздействие на нее вышеназванных факторов. Правовой характер полицейской деятельности, согласно Н. М. Коркунову, обеспечивается посредством реализации принципов законности, единоначалия

и иерархии. Поскольку охрана правопорядка, надзор за соблюдением законности и прав граждан составляет приоритетную задачу государства, постольку полиция должна обладать реальной и достаточной силой для выполнения своих функций. Оптимальный вариант автор видит в централизованном штатном полицейском аппарате, подчиняющемся Министерству внутренних дел.

Очевидно, что полицейская тематика не являлась предметом специальных научных исследований Н. М. Коркунова. Она интересовала автора лишь в той мере, в какой была связана с воплощением идеала конституционного государства.

Список источников

1. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. СПб., 2003.
2. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. СПб., 1909. Т. II: Часть особенная.

В. А. Гусев

Конституционные грани оперативно-розыскных правоотношений государства и человека

Государство как общественно-политическое образование призвано обеспечить комфортную жизнедеятельность подавляющего большинства общества, признающего действующую политическую власть и созданный этой властью правовой режим. Очевидно, что законопослушное большинство граждан должно быть надежно защищено от криминального меньшинства всеми имеющимися у государства средствами и мерами принуждения. Одним из элементов публичной власти являются государственные органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, которые обеспечивают безопасность общества в целом, и отдельных граждан — в частности. Оперативно-розыскные силы, средства и методы являются уникальным инструментарием, позволяющим негласно проникать в асоциальную среду и конспиративно выявлять противоправные намерения потенциально опасных для общества граждан.

Вместе с тем именно это свойство оперативно-розыскной деятельности государственных органов предопределило необходимость установления оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, а по существу — разведывательных действий, направленных на собирание информации о жизни граждан. Очевидно, что объектом

оперативно-розыскной деятельности может стать законопослушный гражданин или человек, допустивший незначительный противоправный проступок, который в силу различных обстоятельств попал в сферу оперативно-розыскных правоотношений, а потому его права и свободы были ограничены уполномоченными государственными органами.

Именно поэтому, полагаем, законодатель в ст. 3 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД) определил, что данная деятельность основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. И далее, в ст. 5 ФЗ об ОРД, которая так и называется «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности», отмечается, что органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции (обратите внимание, свободы уже не упоминаются!). Основываясь на указанных фундаментальных тезисах, законодатель в ст. 8 ФЗ об ОРД определил основы механизма реализации обеспечения прав человека и гражданина: проведение оперативно-розыскных мероприятий, их ограничивающих, допускаются на основании судебного решения. А затем в ст. 9 ФЗ об ОРД детально изложил процедуру получения судебного решения (и здесь про свободы уже ничего не говорится!).

Таким образом, мы можем констатировать, что ФЗ об ОРД предусматривает правовой механизм обеспечения судебного контроля исключительно за соблюдением отдельных конституционных прав человека и гражданина. Действительно, действие ст. ст. 8 и 9 ФЗ об ОРД обеспечивает реализацию исключительно положений ст. ст. 23 и 25 Конституции РФ. В то же время вне правового регулирования ФЗ об ОРД остался целый ряд конституционных прав и свобод человека и гражданина, которые могут быть ограничены и ограничиваются при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Все эти ограничения законодатель допустил в ч. 4 ст. 16 ФЗ об ОРД: «При защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое

при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга». Обоснованно и допустимо ли обобщать все эти действия и регламентировать их в статье о социальной и правовой защите должностных лиц, органов, осуществляющих ОРД. В связи с этим предлагаем вашему вниманию наши выводы по данной проблеме.

Так, статья 20 Конституции РФ гарантирует всем право на жизнь, которое может быть ограничено только решением суда. Однако при пресечении террористического акта законодатель разрешил лишать террориста жизни без суда и следствия. В аналогичной ситуации может оказаться и оперативный сотрудник, который при проведении оперативно-розыскных мероприятий может лишить жизни лицо, совершающее, например, убийство, т. е. ограничить его конституционное «право на жизнь». Вместе с тем законодатель в ФЗ об ОРД об этом умалчивает, оставляя, видимо, данный вопрос на усмотрение Федерального закона «О полиции» и Уголовного кодекса РФ.

Статья 22 Конституции РФ гарантирует право каждому на свободу и личную неприкосновенность, а задержание до судебного решения допускает на срок не более 48 часов. Юридическую процедуру задержания правонарушителей определяют УПК РФ, КоАП РФ и ФЗ о полиции, в то время как ФЗ об ОРД даже не упоминает о возможном задержании лица, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия. В связи с этим оперативному сотруднику приходится руководствоваться указанными выше нормативными актами, а фактический захват и кратковременное ограничение свободы такого лица при проведении оперативно-розыскного мероприятия до принятия процессуального решения остается вне правового поля.

Статья 24 Конституции РФ запрещает сбор, хранение и использование информации о частной жизни лица, однако именно этим и занимаются оперативные сотрудники посредством проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, причастных к преступной деятельности. Сама суть оперативно-розыскных мероприятий заключается в получении и использовании информации о лицах, заподозренных в приготовлении или совершении преступлений. Фактически, в процессе оперативной проверки и последующего документирования противоправных действий таких лиц в оперативных подразделениях накапливается большой объем информации об их частной жизни, а также о частной жизни их ближайшего окружения. И разделить эти сведения на этапе оперативной разработки на информацию о частной жизни и информацию о преступной деятельности крайне сложно, а в некото-

рых случаях — невозможно. Но и здесь законодатель в ФЗ об ОРД хранит молчание, лишь в статье 5 запрещая разглашать сведения о частной жизни, которые стали известными в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В статье 27 Конституции РФ каждому гарантируется право свободно передвигаться по территории Российской Федерации. Вместе с тем ст. 16 ФЗ о полиции предусматривает возможность оцепления (блокирования) территорий, жилых помещений, строений и других объектов, при этом может быть ограничено или запрещено движение транспорта и пешеходов, если это необходимо для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Действительно, свободное передвижение граждан может быть ограничено при проведении, например, гласного оперативно-розыскного обследования зданий, сооружений, участков местности или транспортных средств: оперативные сотрудники могут временно не допускать граждан на объект обследования или не выпускать из него. Как вы уже догадываетесь, и в данном случае ФЗ об ОРД не регулирует эти правоотношения.

В заключение хотелось бы отметить, что решение этих и многих других проблем правового регулирования было предложено профессором В. Ф. Луговиком в проекте «Оперативно-розыскного кодекса», который, к сожалению, остался без внимания законодателя. Конечно, можно дискутировать по тем или иным положениям многочисленных авторских законодательных инициатив, однако, на наш взгляд, совершенно очевидно главное: оперативно-розыскное законодательство нуждается в системном изменении и при этом основным трендом в этом процессе должна стать его конституционализация.

С. И. Давыдов

Решения Конституционного Суда РФ в частных оперативно-розыскных методиках раскрытия преступлений

За последние годы заметно возросло влияние решений Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ) на оперативно-розыскную практику. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) неизбежно связана с ограничением конституционных прав граждан, которое должно быть соразмерным конституционно-защищаемым целям. В этом смысле решения КС РФ

выступают как ориентир для практики. Во-вторых, значительная часть положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) носит общий, декларативный характер, нуждается в детализации. В связи с этим в правоприменительной практике имеют место недостатки, порождающие жалобы на нарушения конституционных прав граждан. Правовые позиции КС РФ, выработанные по результатам рассмотрения жалоб, крайне важно учитывать в оперативно-розыскной практике.

В-третьих, по своей юридической природе решения КС РФ, как отмечает В. Д. Зорькин, являются правовыми актами особого рода, обладающими определенными прецедентными и преюдициальными свойствами [1], по своей юридической силе они относятся к высшему (конституционному) уровню правового регулирования ОРД.

В-четвертых, складывающаяся судебно-следственная практика по оценке полученных на основе результатов ОРД доказательств по уголовным делам повышает требования к соблюдению законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию преступлений. В связи с этим вполне логично оценивать существующие частные оперативно-розыскные методики с точки зрения того, насколько полно рекомендации соответствуют требованиям оперативно-розыскного законодательства, решениям КС РФ.

Оперативно-розыскную методику мы представляем как систему научных положений и разрабатываемых на их основе методических рекомендаций по организации и тактике эффективного применения оперативно-розыскных средств и методов в предупреждении и раскрытии отдельных видов преступлений.

Основной вопрос, который приходится решать исследователям — разработчикам частных оперативно-розыскных методик раскрытия преступлений, следующий: что включать в ее содержание, из каких компонентов она должна состоять. В оперативно-розыскной науке методологические проблемы разработки частных методик пока не являются объектом пристального внимания специалистов. В результате у каждого разработчика свой подход к содержанию ее структурных элементов и их научному обоснованию. В связи с этим актуален вопрос формирования системы общетеоретических положений, которыми бы руководствовались специалисты при разработке частных оперативно-розыскных методик. Отметим, что данной проблеме уделяли внимание А. М. Абрамов, А. И. Глушков, Г. А. Корнилов, которые в своих исследованиях развили идеи о содержании общих положений оперативно-розыскной методики,

сформулированные в середине 90-х гг. прошлого века И. А. Климовым и Г. К. Синиловым. Определенный вклад в решение проблемы внесен и автором настоящей статьи [2].

Если обобщить взгляды ученых, то можно сформулировать некоторые общие положения, правила, которыми предлагается руководствоваться авторам при разработке частных оперативно-розыскных методик:

— условием их разработки является знание комплекса признаков преступлений, отражающихся в их оперативно-розыскной характеристике;

— частная методика должна быть ориентирована на применение в типичных оперативно-розыскных ситуациях;

— в частной методике должны найти отражение формы и способы противодействия криминальной среде раскрытию преступлений и, соответственно, меры по нейтрализации такого противодействия;

— частная методика должна преследовать не только цель изобличения виновных в совершении преступления, возмещения причиненного ущерба, но и установления обстоятельств, способствующих совершению или сокрытию преступлений;

— основой для разработки методических рекомендаций является анализ и обобщение оперативно-розыскной практики;

— должно иметь место постоянное творческое привлечение, приспособление данных криминалистики, криминологии, уголовного процесса, уголовного права, психологии, педагогики и других наук к усовершенствованию имеющихся и созданию новых, более действенных, методик раскрытия преступлений.

Одним из важных исходных положений построения частных методик должно быть соответствие их положений требованиям нормативных правовых актов, регламентирующих оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность. В их перечень, полагаем, следует включать не только Закон об ОРД, но и весь правовой массив, входящий в понятие оперативно-розыскного права [3, с. 5].

Система методических рекомендаций по раскрытию преступлений, как правило, состоит из двух частей: собственно методических рекомендаций и их обоснования.

Рекомендации как научно обоснованные и апробированные практикой советы относительно применения оперативно-розыскных средств и методов раскрытия преступлений являются важнейшей составной частью оперативно-розыскной методики и играют в ней ведущую роль. По сути, они разъясняют содержание деятельности по раскрытию пре-

ступлений, выступают как завершающая структурная часть оперативно-розыскной методики. От того, насколько обеспечена преемственность [4, с. 79] и насколько рациональными оказались рекомендации методики, разработанные в теории и примененные на практике, можно судить об ее эффективности.

Представляется, что к структурно-содержательным компонентам рекомендаций следует отнести: характеристику типовых оперативно-розыскных ситуаций; рекомендации о способах выявления фактических данных о преступлениях и причастных к ним лицах в зависимости от складывающихся ситуаций и с учетом оперативно-розыскной характеристики преступлений; рекомендации о комплексах наиболее эффективных приемов использования оперативно-розыскных средств и методов для проверки выдвигаемых версий, особенностях проведения оперативно-розыскных мероприятий с учетом требований законодательства и решений КС РФ и др.

Например, по такой категории дел, как незаконный оборот наркотических средств, дача и получение взятки, необходимо проводить оперативно-розыскные мероприятия: наблюдение, оперативный эксперимент, проверочную закупку с использованием специальных технических средств аудио- и видеозаписи. Законом об ОРД порядок применения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, не регулируется. Несовершенство законодательства порождает конфликты, жалобы со стороны граждан на нарушения, по их мнению, конституционных прав на неприкосновенность частной жизни. Решения КС РФ по вопросам использования при проведении оперативно-розыскных мероприятий специальных технических средств содержит вполне конкретные положения, способствующие правильному пониманию, толкованию и применению закона в конкретных ситуациях. А значит, они должны найти отражение в частных методиках раскрытия преступления. По существу, это наиболее эффективный способ реализации на практике правовых позиций КС РФ.

Такой подход обеспечит правильное применение закона, реализацию принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, надлежащее формирование доказательств по уголовным делам.

Список литературы

1. *Зорькин В. Д.* Современный мир, право и Конституция. М., 2010.
2. *Давыдов С. И.* Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : монография. Барнаул, 2009.

3. *Луговик В. Ф.* Оперативно-розыскное право в системе российского права // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности : мат-лы межвуз. науч.-практ. семинара. Тюмень, 2010.

4. *Луговик В. Ф.* Преемственность и новации в оперативно-розыскной науке // Полицейское право. 2006.

М. С. Десятов

Адвокат как конституционный гарант прозрачности оперативно-розыскного процесса

В соответствии со статьей 48 Конституции РФ каждому гражданину гарантировано право на квалифицированную юридическую помощь, в том числе бесплатную. Это нашло свое развитие в положениях ст. 2 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [1], ст. 26 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2]. Правоприменительная деятельность субъектов ОРД как представителей государства неразрывно связана с использованием сил, средств и методов, затрагивающих, а в отдельных случаях ограничивающих права граждан. Особенно актуальна данная проблема при проведении гласных ОРМ на стадиях оперативной проверки и разработки до возбуждения уголовного дела.

Очевидно, что реализация обозначенного конституционного права граждан не может носить избирательный характер и предполагает обязанность государственных органов его соблюдать. Вместе с тем участие адвоката в рамках ОРД законодательно не урегулировано и, в отличие от уголовного судопроизводства, не является обязательным (статья 16 УПК РФ). Более того, в некоторых случаях участие адвоката при проведении ОРМ в силу специфики такой деятельности представляется невозможной или труднореализуемой мерой, способной нанести ущерб интересам государства.

В то же время ч. 3 ст. 123 Основного закона закрепила в качестве одного из требований к судопроизводству состязательность и равноправие сторон. Возникает вполне уместный вопрос, каким образом обеспечить это требование с учетом преимущественно закрытого характера полученной информации или (иными словами) как обеспечить прозрачность оперативно-розыскного процесса (результатов оперативно-розыскной деятельности)? Прозрачность результатов ОРД, используемых в рамках уголовного преследования, понимается нами как возможность участ-

ников оперативно-розыскных правоотношений ознакомиться с материалами проведенных мероприятий и полученными результатами.

На первый взгляд, действующая редакция ст. 5 ФЗ «Об ОРД» предоставляет возможность получения таких сведений. Однако анализ данной нормы свидетельствует о наличии ряда проблем. Во-первых, в качестве основания представления сведений предусмотрен отказ в возбуждении уголовного дела и прекращение уголовного дела в связи с отсутствием события или состава преступления. Логично предположить, что до возникновения этих оснований лицо не может ознакомиться с этими сведениями. Кроме того, если речь идет о соучастниках, то информация может быть представлена лишь в отношении тех лиц, в отношении которых приняты указанные процессуальные решения. Фактически, это исключает транспарентность результатов ОРД в отношении иных лиц, чья вина/невиновность еще не доказана в суде. Более того, указанная норма предполагает исключительно случаи нарушения прав, о которых конкретному лицу стало известно. Во-вторых, получение сведений возможно только тем лицом, чьи права были нарушены, что исключает возможность ознакомления с ними иных заинтересованных лиц (законного представителя, адвоката и пр.). Налицо несогласованность ФЗ «Об ОРД» и Конституции РФ в части обеспечения юридической помощи, которая, на наш взгляд, должна быть предоставлена при условии сохранения в тайне полученных адвокатом сведений.

Интересна позиция Конституционного Суда РФ на этот счет: у гражданина нет конституционного права на истребование всей собранной о нем информации, если это осуществляется с соблюдением требований Конституции РФ и в рамках закона (определение от 14 июля 1998 г. № 86-О); Конституция РФ допускает возможность установления в отношении той или иной информации специального правового режима, в том числе режима ограничения свободного доступа к ней со стороны граждан (определения от 12 мая 2003 г. № 173-О, от 29 января 2009 г. № 3-О-О, от 29 сентября 2011 г. № 1063-О-О, от 17 ноября 2011 г. № 1585-О-О и др.) [3, с. 72].

Полагаем, транспарентность результатов ОРД может быть обеспечена по аналогии с процедурами, используемыми в законодательстве других государств (ст. 321 УПК Латвии [4], ст. ст. 253, 254 и 290 УПК Украины [5], ст. 83, ст. 143⁹ УПК Грузии [6], ст. 240 УПК Казахстана [7], ст. ст. 219, 220 УПК Кыргызстана [8]), путем предоставления доступа заинтересованных лиц и их законных представителей к полученным в отношении них сведениям (с оформлением соответствующего допуска и предупреждением

о недопустимости разглашения полученных сведений) либо путем рассекречивания соответствующих материалов в установленном законом порядке. Исключение составляет информация: а) об организации и тактике получения сведений, а также методах получения и источниках информации; б) о штатных негласных сотрудниках и лицах, оказывающих конфиденциальное содействие (сотрудничество); в) об иных обстоятельствах, позволяющих определить источник информации путем сопоставления с имевшими место реальными событиями [5].

Разумеется, выбранная тематика требует глубокого осмысления, поскольку не в полной мере согласуется с действующим оперативно-розыскным и уголовно-процессуальным законодательством. Однако самостоятельный оперативно-розыскной процесс как перспективное направление совершенствования борьбы с преступностью на современном этапе должен предполагать участие адвоката, условия привлечения которого будут нами последовательно разрабатываться в дальнейшем исследовании.

Список источников

1. *О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации* : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ // Собрания законодательства Российской Федерации. 2011. № 48.

2. *Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации* : федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Собрания законодательства Российской Федерации. 2002. № 23, ст. 2102.

3. *Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»*. С приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского суда по правам человека / отв. ред. В. С. Овчинский. М., 2018.

4. *Уголовно-процессуальный кодекс Латвии*. URL: http://www.onlaine.zakon.rz/Document/?doc_id=37807676 (дата обращения: 18.11.2020).

5. *Уголовно-процессуальный кодекс Украины*. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения: 18.11.2020).

6. *Уголовно-процессуальный кодекс Грузии*. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8252/file/Georgia_CPC_2009_am2019_ru.pdf (дата обращения: 18.11.2020).

7. *Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан*. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 18.11.2020).

8. *Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики*. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30241915 (дата обращения: 18.11.2020).

О. А. Дизер

Законодательные ошибки правового регулирования оперативно-розыскных мероприятий и способы их преодоления

Достаточно сложно представить правотворческую деятельность без создания нормативных правовых актов. Вместе с тем любое изложение и конструирование правовых норм подчинено правилам правотворческой техники, важнейшей разновидностью которой является юридическая техника, включающая совокупность методов, средств и приемов, а также различные способы техники для последующего закрепления в правовых актах. В свою очередь в уголовном законодательстве юридическая техника рассматривается через призму оптимизации при выработке в уголовном законе юридических норм. В данном контексте особый интерес представляют средства юридической техники, к которым традиционно относят: юридическую терминологию, юридическую конструкцию, правовую презумпцию и фикцию.

Вполне логично, что достаточно дискуссионным остается вопрос, сопряженный с правовой фикцией, ввиду отсутствия у последней природы, согласующейся с общеправовыми и отраслевыми правилами для последующего толкования и применения. Так, правовая фикция возникает при наличии невозможной неизвестности или пробела в обозначении явления, заполнение которого происходит путем искусственного отождествления одного понятия или обстоятельства с другим, которые в действительности не соотносятся и не совпадают. В данном случае очевидно, что правовая фикция носит сомнительный, даже негативный характер в правотворчестве, так как подчас закреплённая норма не способна в полном объеме регулировать общественные отношения, которым причиняется ущерб вследствие совершенного противоправного деяния.

Однако есть и те исследователи, которые не исключают общественно полезного характера фикции. Так, М. П. Пронина отмечает, что распространение фикция получила для охраны наиболее значимых разновидностей общественных отношений: «Законодатель, зная о вымышленности закрепляемых в законе положений, все же придает им свойства юридического факта...» [1, с. 127]. При этом профессор А. И. Рагог совершенно точно подметил, что «уголовный закон должен обладать такой степенью точности и определенности, чтобы вообще не возникала необходимость преодоления законодательных пробелов и противоречий» [2, с. 38].

Исследуя уголовное законодательство, можно обнаружить правовые фикции. Ярким примером является статья 304 УК РФ «Провокация взят-

ки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд». По сути, законодатель создал правовую фикцию, отразив в ст. 304 УК РФ существующим — несуществующее [3, с. 174; 4, с. 219]. Нельзя не согласиться с точкой зрения П. С. Яни, указывающего, что в ст. 304 УК РФ законодатель слово русского языка начинает использоваться в качестве специального юридического термина [5].

Не вдаваясь в подробный анализ, можно констатировать, что законодатель фактически в ст. 304 УК РФ провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд наделил признаками, присущими фальсификации доказательств [6]. Так, изучая вопросы правового обеспечения борьбы с провокацией преступлений, профессор В. Д. Иванов констатировал, что «сопоставление ст. 304 УК РФ с общим теоретическим понятием провокации преступлений показывает, что в ней ни о какой провокации речи не идет, ибо она по существу предусматривает частный случай фальсификации доказательств» [7, с. 106]. Действительно, даже сама цель, прописанная в этой статье, обозначена как искусственное создание доказательств совершения преступления. О правовой фикции можно судить по публикациям в средствах массовой информации и юридической печати.

По делу И. Голунова изначально было анонсировано, что имела место провокация преступления, хотя ни о каком склонении речи не шло, речь шла как раз о подбрасывании запрещенных веществ. Отсутствие терминологической точности порождает проблемы квалификации. Вместе с тем во вновь принятом постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» вопросы, касающиеся провокации и в частности ст. 304 УК РФ, попросту проигнорированы [8]. Толкование закона — это фундаментальный компонент конституционализации. Совершенно верно отмечено профессором В. Ф. Луговиком относительно транспарентности оперативно-розыскной деятельности, что она должна быть обеспечена за счет прозрачности и ясности правового регулирования [9, с. 71].

Между тем на практике можно наблюдать диаметрально противоположную ситуацию. Так, Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ в ст. 5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» внесен запрет на подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокации);

фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности. Это не решило существующую проблему провокации преступления, а лишь частично ее затронуло, поскольку закон не раскрывает ее сути, более того, провокация в указанной статье рассматривается чрезмерно широко, сквозь призму соучастия в преступлении и фальсификацию. Исследуя юридическую фикцию, можно выделить новый вид — латентную фикцию, т. е. случай, когда норма раскрывается только при анализе имплементированных общих принципов в данной сфере [10, с. 6, 22; 11, с. 17–18].

Таким образом, из ложно понятых интересов службы, ввиду отсутствия терминологической определенности, провокация преступления в процессе оперативно-розыскных мероприятий может переводиться в разряд действенного способа изобличения преступника, что в свою очередь подрывает отправление справедливого правосудия и негативно сказывается на правах человека и гражданина.

Список источников

1. *Пронина М. П.* Юридическая техника в уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.

2. *Рарог А. И.* Проблемы пенализации: законодательные ошибки и способы их преодоления // Уголовное право. 2021. № 3(127).

3. *Шкабин Г. С.* Понятие провокации преступления в отечественном законодательстве // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2015.

4. *Дмитренко А. П., Кадников Н. Г., Рускевич Е. А.* Провокация преступления, ее фикция и презумпция: теория, закон, правовая позиция Европейского Суда по правам человека // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 4(61).

5. *Яни П. С.* «Проверка на честность», или уголовно-правовые основания выявления взяточничества // Законность. 2007. № 1.

6. *Дизер О. А.* Проблема провокации преступления (по материалам судебно-следственной практики) // Уголовное право и оперативно-розыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики : мат-лы VIII междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. М., 2022.

7. *Иванов В. Д.* Проблемы правового обеспечения борьбы с провокацией преступлений // Уголовная политика и международное право: проблемы интеграции : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Владимир, 1999.

8. *Дизер О. А.* Провокация преступления: уголовно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022.

9. *Луговик В. Ф.* Конституционализация оперативно-розыскной деятельности: законотворчество и правоприменение // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

10. *Марохин Е. Ю.* Юридическая фикция в современном российском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

11. *Буцакова М. А.* Обеспечение права на неприкосновенность частной жизни в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности (по материалам решений Европейского суда по правам человека) // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

И. Х. Еркеев

К особенностям предмета допроса сотрудников правоохранительных органов, участвовавших в документировании преступных действий, в качестве свидетелей при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств

В Российской Федерации в январе–декабре 2022 г. выявлено 177,7 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 1,1% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом сотрудниками органов внутренних дел выявлено 172,6 тыс. преступлений (-0,7%). По сравнению с январем–декабром 2021 г. на 7,2% выросло число выявленных преступлений, совершенных в целях сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Вырос их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 57,6% в январе–декабре 2021 г. до 62,4%. В первом квартале 2023 г. по сравнению с январем–мартом 2022 года сотрудниками органов внутренних дел выявлено и пресечено на 22,7% больше преступлений, связанных с производством наркотиков, на 125% — с их пересылкой и на 31,9% — со сбытом. По расследованным уголовным делам из незаконного оборота полицейскими изъято более 6,3 тонн наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также сильнодействующих веществ [1]. Доля преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, в общей структуре преступности остается значительным. В связи с этим являются актуальными работы, направленные на совершенствование методики расследования,

тактики производства отдельных следственных действий и использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Значительная часть доказательств, полученных при расследовании уголовных дел указанной категории, составляют показания обвиняемых, подозреваемых, свидетелей. Исследованию тактических особенностей допроса участников уголовного судопроизводства по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, посвятили свои труды Р. М. Абызов, Н. Ю. Русанов, И. В. Смолькова, В. С. Удовиченко, Ю. В. Шляпников, С. В. Киселева, З. И. Земцова и другие.

В качестве свидетелей в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения допрашиваются и сотрудники правоохранительных органов [2, с. 25]. Несмотря на наличие правовой позиции Конституционного Суда РФ, разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики все еще допускаются ошибки в виде воспроизведения пояснений задержанных в ходе допроса сотрудников правоохранительных органов. Большая часть измененных судебных решений принимались по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ [3, с. 28]. Действительно, достаточно распространенной практикой является закрепление пояснений, которые дало лицо при документировании преступных действий проведением допроса лиц, осуществлявших документирование.

При производстве допроса сотрудников правоохранительных органов, участвовавших в документировании преступных действий, в качестве свидетелей в ходе расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, необходимо выделить ряд ключевых аспектов.

Во-первых, сотрудники правоохранительных органов, участвовавшие в документировании преступных действий, производившие задержание, осуществлявшие личный досмотр или личный обыск, могут быть допрошены в качестве свидетелей на общих основаниях, установленных Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Во-вторых, предмет допроса в этом случае должны составлять ход и результаты оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий.

В-третьих, недопустимо устанавливать в ходе допроса сотрудников оперативных подразделений те пояснения, которые они получили в ходе бесед, во время задержания, производства личного досмотра или личного обыска. Также недопустимо допрашивать следователя, дознавателя

в целях восполнения показаний в случае неподтверждения в суде ранее допрошенным без защитника лицом своих показаний.

В рамках подготовительного этапа допроса сотрудников правоохранительных органов, участвовавших в документировании преступных действий, в качестве свидетелей при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, рекомендуется внимательно изучить материалы уголовного дела, в частности, необходимо проанализировать соответствие материалов оперативно-розыскной деятельности федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», определить последовательность действий и наметить вопросы, которые требуется задать в рамках производства допроса. При этом следует учитывать, что допрос также не решает проблему восполнения доказательств в тех случаях, когда оперативно-розыскные действия признаны незаконными. На стадии свободного рассказа предлагается изложить ход проведения оперативно-розыскных мероприятий, задержания и т. д. Начинают с общих вопросов, касающихся занимаемой должности, периода осуществления оперативно-розыскных мероприятий, сути проведенного мероприятия. В вопросно-ответной стадии задаются конкретизирующие, детализирующие вопросы. Если допрашиваемое лицо затрудняется дать ответ, не может вспомнить детали устанавливаемых событий, целесообразно предъявление документов, составленных в ходе реализации оперативно-розыскных мероприятий. Возможно также предъявление документов для получения разъяснений обстоятельств его составления.

В ходе установления обстоятельств проведенного оперативно-розыскного мероприятия свидетелем обозначаются и пояснения лица, данные непосредственно после задержания или в ходе оперативно-розыскного мероприятия. Следует иметь в виду, что не рекомендуется ссылаться на показания в этой части как доказывающие то или иное обстоятельство. Необходимо учитывать возможные тактические риски и предусмотреть иные доказательства тех обстоятельств, которые устанавливались с помощью пояснений задерживаемых лиц. Как отмечают исследователи, воспроизведение показаний задерживаемых сотрудниками правоохранительных органов, участвовавшими в документировании преступных действий, в ходе их допроса в качестве свидетелей при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, не имеет решающего доказательственного значения и не приводит к существенным изменениям вынесенных судебных решений [3, с. 29].

Таким образом, в ходе производства допроса следователь, суд не вправе допрашивать сотрудника, осуществляющего оперативное сопровождение дела, о содержании пояснений, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым, подсудимым, восстанавливать содержание этих показаний вопреки закреплённому в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ правилу, согласно которому показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденные им в суде, относятся к недопустимым доказательствам.

Список источников

1. *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года.* URL: <https://мвд.рф/reports/item/37377025/> (дата обращения: 28.04.2023).

2. *Земцова С. И.* Предмет допроса свидетелей при расследовании незаконного сбыта синтетических наркотических средств, совершенного с использованием интернет-магазинов // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра.* № 3(7). 2018.

3. *Матейкович М. С., Казначейский В. В., Бостаниди В. К., Сентякова Е. С.* Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 44-О и практика его применения по уголовным делам // *Российский судья.* 2022. № 12.

М. А. Засыпкин

Оперативно-розыскная деятельность — вид деятельности, направленный на защиту национальных интересов (конституционно-правовой аспект)

Оперативно-розыскная деятельность — это вид государственной деятельности, которую могут осуществлять только субъекты, уполномоченные на это Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [1]. Оперативные подразделения государственных органов реализуют свои полномочия в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Оперативно-розыскная деятельность основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств. Конституция РФ закрепляет воз-

возможности в случаях, предусмотренных федеральными законами, ограничивать граждан в их правах и свободах, если это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Через призму целей и принципов деятельности, перечисленных в положениях Конституции РФ и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», можно определить объекты обеспечения национальной безопасности: это личность, общество, государство. У каждого объекта обеспечения безопасности есть объективные потребности в развитии. Данные потребности раскрываются и реализуются через категорию «интерес». Личность заинтересована в обеспечении ее прав и свобод; общество — в поддержании, развитии и укреплении материальных и духовно-нравственных ценностей, гражданского мира и согласия в стране; государство заинтересовано в защите конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности. Интересы являются предметной формой выражения ценностей в конкретных исторических условиях развития государства, общества и личности [2, с. 68].

Национальные интересы Российской Федерации — объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии. Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, участвуют в процессе обеспечения национальной безопасности [3, с. 57]. Они реализуют комплекс правовых, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности в рамках оперативно-розыскной деятельности.

Анализируя правовой статус органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, можно выделить две их группы. Первая осуществляет оперативно-розыскную деятельность в целях обеспечения национальных интересов от внутренних угроз. К ней относятся: органы внутренних дел РФ; органы федеральной службы безопасности; таможенные органы РФ; органы федеральной службы исполнения наказаний; оперативное подразделение органа внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации; федеральная служба охраны. Вторая группа представлена Службой внешней разведки Российской Федерации. Вектор ее деятельности направлен на защиту национальных интересов Российской Федерации от внешних скрытых угроз.

Список источников

1. *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Кошелев Е. В.* Конституционные гарантии прав и свобод личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.
3. *Засыткин М. А.* Обеспечение национальной безопасности оперативными подразделениями государственных органов // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

Д. Э. Каримова

Взаимодействие органов досудебного производства с государственными органами, учреждениями и общественными формированиями: опыт Республики Узбекистан

При расследовании дел любой категории нередко возникает необходимость обращения органов досудебного производства к общественным объединениям, коллективам, которые представляют собой негосударственные некоммерческие добровольные формирования, объединившиеся по инициативе граждан на основе общности их интересов для реализации общих целей.

Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, применительно к проблемам, имеющимся в органах внутренних дел в сфере, связанной с обращениями граждан, указывает, что «кардинальное изменение системы работы с обращениями людей относится к числу самых актуальных задач органов внутренних дел. Поэтому необходимо коренным образом пересмотреть отношения работников правоохранительной сферы с гражданами, наладить постоянный диалог с людьми, жить заботами народа и работать в интересах человека» [1].

Действительно, для решения задач, стоящих перед ОВД, а это обеспечение законности, охрана прав, свобод и законных интересов граждан, обеспечение общественной безопасности и охрана общественного порядка, организация работы по борьбе с преступностью, обеспечение работы по борьбе с организованной преступностью и коррупцией и др.,

необходимо взаимодействие с государственными органами, общественными объединениями, трудовыми коллективами и населением, учет общественного мнения [2]. По справедливому мнению А. А. Матчанова, «наряду с взаимодействием следователя с органами дознания, необходимо обратить внимание на возможность и целесообразность взаимодействия с общественностью и с гражданами» [3, с. 55].

Присоединяемся к мнению Н. С. Меньшиковой, что «эффективность осуществления правоохранительной функции государства во многом зависит от взаимодействия полиции и общества» [4, с. 107]. Взаимодействие в досудебном производстве с общественными объединениями выступает как законодательно регламентированная взаимосвязанная деятельность соответствующих административно независимых субъектов, обусловленная их полномочиями и осуществляемая в целях получения информации, имеющей значение для раскрытия и расследования преступлений.

Глава 4 УПК Республики Узбекистан [5] раскрывает правовые основы взаимодействия дознавателя, следователя с общественными объединениями, коллективами, их представителями, участвующими в производстве по уголовному делу. В частности, ст. 41 регламентирует информирование общественных объединений и коллективов о преступлении.

Развитие нормативно-правовой регламентации взаимодействия получило новый качественный источник в виде Закона Республики Узбекистан от 16 сентября 2016 года № ЗРУ-407 «Об органах внутренних дел». В законе имеется отдельная ст. 11 «Взаимодействие органов внутренних дел с другими органами и организациями». В частности, указано, что «органы внутренних дел в целях выполнения возложенных на них задач взаимодействуют и осуществляют обмен информацией, в том числе в электронной форме, об имеющихся материалах по выявленным преступлениям и другим правонарушениям, а также иной информацией с государственными органами, органами самоуправления граждан и другими организациями в порядке, установленном законодательством» [6].

Этим же законом закреплена обязанность государственных органов, органов самоуправления граждан и других организаций в пределах своей компетенции оказывать содействие органам внутренних дел в защите прав, свобод и законных интересов граждан, охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, предупреждении, выявлении, пресечении, раскрытии преступлений и административных правонарушений, расследовании уголовных дел, розыске преступников, установлении местонахождения лиц, пропавших без вести, а в также профилактике правонарушений» [7].

Исходя из этого, одной из основных задач является обеспечение системного адресного диалога с народом, развитие тесного взаимодействия с органами самоуправления граждан, другими институтами гражданского общества, оказание всестороннего содействия в решении насущных проблем населения. Основным служебным долгом каждого сотрудника определяется — «Служить интересам народа».

Кроме того, постановлением Президента Республики Узбекистан «Об организационных мерах по дальнейшему совершенствованию органов внутренних дел» от 12 апреля 2017 года было утверждено «Положение о Министерстве внутренних дел Республики Узбекистан», в котором определены основные задачи и функции Министерства. Одной из основных задач обозначено налаживание более тесного сотрудничества с общественностью: систематическое общение с народом, органами самоуправления граждан, другими институтами гражданского общества и поддержки наиболее уязвимых слоев населения.

В свою очередь государственные органы, органы самоуправления граждан и другие организации в пределах своей компетенции должны оказывать содействие правоохранительным органам в защите прав, свобод и законных интересов граждан, охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, предупреждении, выявлении, пресечении, раскрытии преступлений и административных правонарушений, расследовании уголовных дел, розыске преступников, установлении местонахождения лиц, пропавших без вести, а также в профилактике правонарушений.

Формы взаимодействия с представителями общественности в раскрытии и расследовании преступлений:

- непосредственное обнаружение и пресечение преступлений представителями общественных объединений, коллективов;
- оказание содействия общественными объединениями в розыске и задержании преступников;
- сообщение общественными объединениями правоохранительным органам данных, помогающих раскрытию преступлений;
- участие представителей общественных объединений в подготовке и проведении следственных действий;
- выяснение причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

В настоящее время осуществление общественного контроля над деятельностью государственных органов и учреждений стало одной из важных форм взаимодействия. Статья 2 Закона Республики Узбекистан

«Об общественном контроле» [7], принятого 12 апреля 2018 г., устанавливает порядок проведения такого контроля над деятельностью государственных органов. «Сегодня институты гражданского общества, в частности, неправительственные некоммерческие организации становятся важным фактором защиты демократических ценностей. А также прав, свобод и законных интересов граждан в Узбекистане» — справедливо отмечает Б. Бекмуродов [8]. Как уместно дополняют М. А. Бучакова, О. А. Дизер, А. Н. Александров «общественный контроль за деятельностью полиции служит также эффективной антикоррупционной мерой» [9, с. 29].

Безусловно, в достижении верховенства Конституции и законов нет более эффективного средства, чем общественный контроль. Взаимоотношение правоохранительных органов и институтов гражданского общества также получило свое отражение и во многих международных нормативно-правовых актах. В их числе «Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка» [10], принятый Организацией Объединенных Наций в 1979 г., а также принятые в 1989 г. ООН в развитие этого документа «Руководящие принципы для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка» [11].

Результативность взаимодействия с общественными объединениями достигается при соблюдении следующих условий:

- 1) строгое выполнение требований закона;
- 2) недопустимость делегирования представителям общественности процессуальных функций;
- 3) использование помощи общественности в качестве вспомогательного средства и на строго добровольных началах;
- 4) привлечение общественности с учетом обстановки, складывающейся при расследовании конкретного дела;
- 5) недопустимость использования заинтересованных в деле лиц;
- 6) тщательный инструктаж и контроль действий представителей общественности;
- 7) возмещение материальных затрат или ущерба, понесенного конкретными представителями общественности;
- 8) своевременное моральное, а также материальное поощрение общественников, выполнивших данное им поручение.

Кроме того, необходимо уделять особое внимание разработке и внедрению новых форм взаимодействия с населением, со средствами массовой информации в сфере противодействия тяжких и особо тяжких

преступлений (например, проводить разъяснительную работу среди населения, тренинги и семинары), чего невозможно достигнуть без соответствующего качественно проработанного законодательного подкрепления, что также должно найти свое отражение в ведомственных подзаконных актах.

Список источников

1. *Мирзиев Ш. М.* Для обеспечения интересов человека необходима защита его прав и свобод, мирной и благополучной жизни : доклад на видеоселекторном совещании, посвященном деятельности органов внутренних дел, имеющимся в сфере проблемам и недостаткам и задачам на перспективу // Народное слово. 2017. № 30(6694).

2. *Об органах* внутренних дел : закон Республики Узбекистан от 16 сентября 2016 г. № ЗРУ-407 // «Народное слово». 2016. 17 сент.

3. *Матчанов А. А.* Деятельность следователя по розыску скрывшегося обвиняемого : учеб.-практ. пособие. Ташкент, 2007.

4. *Меньшикова Н. С.* Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений в российской федерации (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019.

5. *Уголовно-процессуальный кодекс* Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/111463> (дата обращения: 20.03.2023).

6. *Собрание законодательства* Республики Узбекистан. 2016 г. № 38, ст. 438.

7. *Об общественном контроле* : закон Республики Узбекистан от 12 апреля 2018 г. № ЗРУ-474. URL: <https://lex.uz/docs/3679099> (дата обращения: 20.03.2023).

8. *Бекмуродов Б. М.* Роль общественности в борьбе с коррупцией // Uzbekistan Anti-Corruption Digest. 1, (дек. 2021).

9. *Бучакова М. А., Дизер О. А., Александров А. Н.* Формирование партнерской модели взаимоотношений полиции и общества в России // Проблемы правоприменительной деятельности. 2015. № 4.

10. *Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка.* URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 20.03.2023).

11. *Руководящие принципы для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка.* URL: <https://alldetectives.ru/crime/organizatsionno-upravlencheskie-osnovy-rassledovaniya-prestuplenij/vzaimodejstvie-sledovatelya-i-operativno-rozysknykh-organov-s-obshchestvennostyu-pri-rassledovanii-prestuplenij.html> (дата обращения: 20.03.2023).

А. В. Каунов

Особенности прокурорского надзора за осуществлением оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционное право на неприкосновенность жилища

Правовая регламентация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью отражена в ст. 21 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), а также в п. 4 ч. 2 ст. 1, ст. 29, ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре).

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, слово «надзирать» означает «наблюдать с целью присмотра, проверки» [1].

Д. Н. Ушаков определяет слово «надзирать» как «заниматься наблюдением, присмотром, неся за это ответственность» [2].

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре, в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), дознание и предварительное следствие.

Содержание прокурорского надзора за ОРД раскрывается в ст. 29 Закона о прокуратуре, в которой сказано, что предметом надзора в сфере исполнения законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие, является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие.

В части 1 ст. 30 Закона о прокуратуре содержится бланкетная норма, согласно которой полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами.

Вместе с тем следует заметить, что в ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) перечислены полномочия прокурора, касающиеся осуществле-

ния надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Полномочия прокуратуры в сфере надзора за ОРД в данной правовой норме отражения не нашли.

Достаточно абстрактная формулировка содержания прокурорского надзора за ОРД, отраженная в Законе о прокуратуре, раскрывается в ст. 21 Закона об ОРД, в которой сказано, что по требованию Генерального прокурора Российской Федерации и уполномоченных им прокуроров руководители органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, представляют им оперативно-служебные документы, включающие дела оперативного учета, материалы о проведении ОРМ с использованием оперативно-технических средств, а также учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения ОРМ.

Сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности.

Проанализировав данную статью, можно сделать вывод, что прокурорский надзор направлен на проверку законности проведения ОРМ, а не на дачу разрешения органам, осуществляющим ОРД, на их проведение.

В отличие от судебного контроля, который осуществляется за ОРД, проводимой сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел (далее — оперативные сотрудники ОВД), в том числе, путем санкционирования ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также на неприкосновенность жилища, до начала их проведения, прокурорский надзор, как правило, осуществляется после проведения ОРМ, в рамках проверки дел оперативного учета или материалов предварительной оперативной проверки, т. е. носит фрагментарный характер.

Вместе с тем предварительная проверка законности ОРМ, ограничивающих, в том числе, конституционное право граждан на неприкосновенность жилища, представляется, способствовала бы более эффективному проведению мероприятий и сводило бы к минимуму возможность нарушения оперативными сотрудниками ОВД прав граждан в ходе осуществления ОРД.

Как справедливо замечает Луговик В. Ф., «современное правовое регулирование прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью таково, что оно исключает прямое императивное вмешательство прокурора в оперативно-розыскную деятельность» [3, с. 130].

Вместе с тем в практической деятельности оперативные сотрудники ОВД очень часто сталкиваются с такой ситуацией, когда в ходе проверки дел оперативного учета, помимо проверки соблюдения законности в ходе ОРМ, уполномоченные прокуроры указывают на необходимость проявления так называемой «наступательности» в ходе осуществления ОРД, подменяя своей деятельностью функции руководителей соответствующих оперативных подразделений, осуществляющих ведомственный контроль за деятельностью подчиненных. Такой подход к проверке дел оперативного учета представляется недопустимым по причине выхода за рамки прокурорского надзора в сфере ОРД.

В июне 2014 г. Государственной Думой был принят к рассмотрению проект Федерального закона № 490175-6, в котором было предложено установить предварительный прокурорский надзор за проведением гласных обследований нежилых помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, используемых в предпринимательской деятельности, путем письменного уведомления прокурора о планируемом ОРМ [4].

Внесение этого законопроекта, как следует из пояснительной записки к нему, обусловлено тем, что органы внутренних дел в ходе проведения гласного ОРМ, связанного с обследованием зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, не обеспечивают надлежащего соблюдения прав и свобод хозяйствующих субъектов и проводят их часто без достаточных оснований. Безусловно, предварительный прокурорский надзор за гласным обследованием заставит органы, осуществляющие ОРД, более обоснованно и избирательно принимать решения о проведении данного ОРМ. Однако предложенная разработчиками проекта процедура прокурорского надзора, предусматривающая 48-часовой срок рассмотрения уведомления о предполагаемом обследовании, представляет собой далеко не лучший вариант правового регулирования, поскольку, во-первых, это существенно затормозит оперативность и усложнит организацию проверки сигналов о противоправной деятельности, требующих немедленного реагирования в связи с опасностью сокрытия или уничтожения ее следов. Во-вторых, непонятно, какое юридическое значение будет иметь постановление, выносимое прокурором по результатам рассмотрения уведомления; если его рассматривать как основание

для гласного обследования, то правильной, наверное, было бы это прямо указать в законе.

Появление данного законопроекта можно расценить не только как меру по защите предпринимателей от необоснованных действий силовиков, но и как попытку легализовать возможность проведения гласного обследования в принудительном порядке, поскольку санкция прокурора делает легитимными любые, в том числе насильственные, действия оперативных сотрудников. Узаконивая, таким образом, гласное обследование нежилых помещений, инициаторы законопроекта, по существу, пытаются превратить его в процессуальное действие при отсутствии необходимых гарантий обеспечения прав личности, которые предусмотрены в УПК РФ.

Таким образом, целесообразность осуществления прокурорского надзора за ОРМ, ограничивающими конституционное право граждан на неприкосновенность жилища, диктуется необходимостью соблюдения прав и свобод лица, в жилом помещении которого проводится оперативно-розыскное мероприятие. Вместе с тем тотальный прокурорский надзор до проведения ОРМ будет способствовать исключению оперативности при осуществлении ОРД оперативными сотрудниками ОВД и сведению к минимуму эффективности мероприятия. Представляется, что при осуществлении прокурорского надзора за ОРД прокурорскими работниками должна выбираться «золотая середина», способствующая соблюдению прав и свобод граждан, сводя к минимуму вмешательство в организацию и тактику осуществления ОРМ на стадии их подготовки и осуществления.

Список источников

1. *Толковый словарь* / под ред. С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 29.04.2023).
2. *Толковый словарь* / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/надзирать> (дата обращения: 29.04.2023).
3. *Луговик В. Ф.* Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью: тотальный контроль или надзор за исполнением законов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. № 3(5).
4. *Система обеспечения законодательной деятельности.* URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/490175-6> (дата обращения: 28.04.2023).

А. В. Колобашкин

Конституционное право человека и гражданина на компенсацию причиненного ущерба

Конституция Российской Федерации в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» закрепляет право потерпевшего на компенсацию причиненного ущерба в ст. 52.

С развитием страхового дела в России появляются новые способы совершения преступлений, направленных на завладение денежными средствами, полученными в качестве страховых выплат. В связи с негативной тенденцией законодателями 3 декабря 2012 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены шесть новых статей, детализирующих мошенничество, одна из которых — ст. 159⁵ «Мошенничество в сфере страхования».

Согласно ст. 1 Федерального закона №40-ФЗ от 25 апреля 2002 г. «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств — это договор страхования, по которому страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить потерпевшим причиненный вследствие этого события вред их жизни, здоровью или имуществу (осуществить страховую выплату) в пределах определенной договором суммы (суммы страхового возмещения).

В настоящее время мошенники используют различные способы для получения выплаты от страховщиков.

В данной статье нами рассматриваются наиболее распространенные способы совершения мошенничеств при дорожно-транспортных происшествиях, выплаты по которым предусмотрены договором ОСАГО.

Преступное обогащение при автостраховании возможно и без ДТП, за счет безосновательного сбережения страхователем страховой премии, которую он по Закону об ОСАГО должен уплатить. Для этого водитель за небольшую плату приобретает поддельный страховой полис либо подлинный бланк, оформленный должным образом, но без ответственности страховщика. Таким образом, недобросовестный страхователь беспрепятственно ездит по дорогам РФ, но при дорожно-транспортном происшествии (далее — ДТП) потерпевший от такого водителя не получит выплаты от страховщика. При этом лицо, совершающее подобный подлог не всегда учитывает тот факт, что если оно заведомо знает, что поку-

паемый им полис не настоящий, то является не жертвой, а соучастником преступления. Одним из распространенных способов мошенничества в сфере ОСАГО является продажа недействительных полисов недобросовестными посредниками (страховыми агентами, субагентами, менеджерами продаж, координаторами страховых агентств и иными лицами, осуществляющих предоставление услуг страхования), которые, оформляя договоры страхования и получая от страхователей страховые премии, не передают денежные средства в страховую организацию, а присваивают и растрачивают их на личные нужды.

Указанные лица, манипулируя коэффициентами, входящими в состав страховых тарифов, в экземпляре страхового полиса и документа на получение денежных средств, выдаваемых страхователю, указывают завышенные суммы страховой премии, а в экземплярах, предназначенных для страховой организации — заниженную сумму страховой премии, присваивая часть страховой премии себе.

Разновидностью данного способа является также хищение страховых премий путем мошенничества от реализации недействительных полисов страхования. В частности, встречаются факты реализации полисов страховых организаций, у которых отозвана лицензия на данный вид страхования, чем причиняется материальный ущерб гражданам.

Следующий способ — это хищение страховых выплат. Данные преступления характерны в основном для самих страхователей, но встречаются преступления совершенные работником страховой организации по сговору со страхователем.

Варианты хищения страховых выплат путем мошенничества, совершаемые страхователем:

- оформление договора страхования после наступления страхового случая (совершения ДТП). Незаконность таких действий выражается в том, что такие события не являются страховым случаем, поскольку не были застрахованы, со всеми вытекающими последствиями.

- «двойное страхование» состоит в том, что страхователь заключает договор страхования и получает страховое возмещение не в одной, а в нескольких страховых компаниях.

- фальсификация страхового случая, которого фактически не было. При этом для получения страховой выплаты в страховую компанию предоставляются хотя и сфальсифицированные, но надлежащим образом оформленные документы.

В ряде случаев в целях незаконного получения страховой выплаты приобретаются два автомобиля: один из них имеет повреждения

(автомобиль-донор), а второй является автомобилем аналогичной марки и цвета без механических повреждений. Автомобиль, не имеющий повреждений, страхуется, после чего на него перевешиваются поврежденные элементы кузова с автомобиля-донора и инсценируется ДТП. Возможен вариант с изменением идентификационных номеров (VIN, номер кузова, гос. рег. знак) на неповрежденном автомобиле, чтобы они соответствовали цифровым обозначениям автомобиля-донора. Автомобиль с видоизмененными идентификационными номерами страхуется, после чего инсценируется ДТП, а для осмотра представляется битый автомобиль-донор. Возможна вовлеченность сотрудников ГИБДД в составление фиктивных документов о произошедшем ДТП.

Таким образом, общая схема совершения мошенничества состоит из следующих этапов:

- подбор (поиск, покупка) поврежденного автомобиля-донора или документов на него и их владельцев;

- процессуальное закрепление факта ДТП (оформление схемы ДТП, вынесение постановления и прочее), в том числе с использованием содействия недобросовестных сотрудников ГИБДД;

- обращение в страховую организацию за получением соответствующих страховых выплат и распределение похищенных денежных средств между участниками сообщества.

Для совершения преступлений путем приобретения автомашины донора и сговора с другими участниками ДТП, характерны следующие признаки:

- печать на справках ГИБДД не соответствует печати ГИБДД, где было совершено ДТП; поддельные подписи сотрудников ГИБДД; сотрудник ДПС, выдавший справку, в штате подразделения ДПС не значится;

- виновник ДТП и потерпевший хорошо знакомы между собой, одной национальности, проживают в одном доме или рядом, работают в одной организации;

- несоответствие степени повреждений автомашины;

- вывод экспертов о локализации, характере повреждений, которые не могли возникнуть в результате указанного ДТП;

- отказ страхователя от объяснений обстоятельств ДТП;

- наличие ранее имеющих страховые случаи;

- несколько ДТП с одними и теми же (ранее отмеченными) повреждениями;

— несоответствие местности, где совершено ДТП, произведенным замерам, показаниям сотрудников ГИБДД, оформлявшими ДТП, схеме ДТП и повреждениям автомобиля;

— неоднократное оформление ДТП в ночное или позднее вечернее время с одними и теми же либо хорошо знакомыми между собой лицами;

— обращение в страховую компанию за разъяснением о документах, необходимых для получения страховки, желание как можно быстрее получить страховку;

— несоответствие схемы ДТП фактическим повреждениям, указанным в акте осмотра и фотографиям поврежденной автомашины, отсутствие понятий, указанных в схеме ДТП;

— сведения о том, что потерпевший и виновник ДТП являются членами организованного преступного сообщества (ОПС);

— целенаправленная скупка определенной группой лиц ТС после ДТП, их страхование;

— отказ от предоставления автомашины на осмотр в связи с тем, что автомашина якобы продана, но документы, подтверждающие сделку купли-продажи, не предоставляются;

— имеющиеся повреждения на одной автомашине с неизбежностью должны были повлечь значительные повреждения и на другой автомашине, которые на ней отсутствуют;

— отсутствие тех или иных повреждений при осмотре автомашины, отраженных в извещении о ДТП и в справке из ГИБДД;

— у всех участников ДТП и свидетелей продуманные, последовательные, «составленные под диктовку» объяснения;

— извещение о ДТП составлено четким каллиграфическим почерком с подробным описанием всех обстоятельств, что трудно сделать на улице или в автомашине;

— наличие одних и тех же повреждений при разных ДТП;

— один и тот же водитель участвует в ДТП на разных автомашинах;

— одни и те же свидетели ДТП;

— страхование автомашин и совершение ДТП в течение нескольких дней после заключения договора страхования;

— отсутствие следов ремонта автомашины, который якобы сделан;

— при сравнении схемы ДТП ГИБДД и схемы, представленной участниками ДТП, выявляется разница в размещении машин, что в определенной степени свидетельствует о расстановке автомашин и инсценировке ДТП.

На договоренность страхователя с работниками ГИБДД о составлении фиктивных документов могут указывать следующие факты:

- в схемах ДТП, составленных сотрудником ГИБДД, постоянно вписываются одни и те же понятия;
- несоответствие сведений о ДТП в едином реестре, базе данных электронно-учетных карточек подразделений ГИБДД;
- ложные сведения об участии в осмотре места ДТП понятых, подделка подписи от их имени;
- оформление ДТП одними и теми же работниками ГИБДД с одними и теми же понятыми, являющимися знакомыми сотрудников ГИБДД.

Следует отметить, что отдельно взятый признак свидетельствует только о возможности совершения преступления, но не о его совершении.

Рассмотрев основные способы совершения мошенничеств в сфере автострахования, мы приходим к выводу, что их рост обусловливается достаточной простотой совершения подобного преступления, не требует какой-либо подготовки и навыков, в связи с чем, считаем, необходимо выработать единый алгоритм взаимодействия страховых компаний и правоохранительных органов, в котором будут соблюдаться права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией РФ.

Е. В. Кошелев

Конституционно-правовые основания ограничения проведения оперативно-розыскных мероприятий

Оперативно-розыскная деятельность представляет собой один из видов государственной правоохранительной деятельности, осуществляемой специальными органами государственной власти, наделенными для реализации своих функций властными юридическими полномочиями [1]. Проведение оперативно-розыскных мероприятий должно отвечать по своему содержанию и формам требованиям, которые закреплены не только в действующем законодательстве, но и в Конституции Российской Федерации как акте прямого действия. Конституция Российской Федерации не содержит каких-либо упоминаний об оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскных мероприятиях, однако оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) затрагивает все элементы конституционно-правового статуса личности. При проведении оперативно-розыскных мероприятий органам, осуществляющим ОРД,

приходится вторгаться в личную сферу гражданина, которая находится под особой защитой конституционных норм. Конституционно-правовой статус личности — это юридически закрепленное положение личности в обществе и государстве, содержание которого во многом определяется основными правами и свободами человека и гражданина, которые ущемляют сферу свободы и самоопределения личности, ее автономию [2, с. 65].

В Конституции Российской Федерации в главе второй определен перечень основных прав и свобод человека и гражданина, сформулированы конституционные гарантии прав и свобод, а также возможные механизмы их ограничения. Провозглашенные в главе 2 Конституции Российской Федерации права человека и гражданина можно считать фактически гарантированными только тогда, когда в национальном праве закреплены как международные, так и внутригосударственные гарантии их реализации и возможности использования различных, предусмотренных законом путей восстановления и защиты нарушенных прав [3, с. 60]. В части 3. ст. 15 Конституции Российской Федерации закреплено положение, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Во Всеобщей декларации прав человека, принятой на Генеральной ассамблее Организации Объединенных Наций в 1948 г. в ст. 29 провозглашается, что при реализации своих прав свобод, каждый должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

Данная правовая идея получила свою преемственность в Конституции Российской Федерации, где предусмотрена возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В статьях 55, 56 Конституции Российской Федерации определяется перечень прав и свобод, которые могут быть ограничены и в то же время закрепляются те права и свободы, которые не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах.

В соответствии Конституцией Российской Федерации не подлежит ограничению право на жизнь (ст. 20), на достоинство личности (ст. 21),

право на неприкосновенность частной жизни, личную семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23). Закреплен запрет на использование распространения информации о частной жизни лица без его согласия, а также обязанность обеспечить каждому возможность ознакомиться с документами и материалами непосредственно затрагивающим его права и свободы (ст. 24). Гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания (ст. 28), право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34), право на жилище и запрет на его произвольное лишение (ч. 1 ст. 40). Особо следует отметить конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина закрепленные в ст. ст. 46–54 Конституции Российской Федерации, которые направлены на защиту личности в отношениях с органами публичной власти, гарантирование прав на судебную защиту, а также специальные конституционные гарантии правосудия.

В связи с этим важно акцентировать, что указанные выше права не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах и даже при введении режима чрезвычайного положения.

В статье 5 Федерального закона от 12 августа 1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] (далее — Закон об ОРД) органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается:

- проводить оперативно-розыскные мероприятия в интересах какой-либо политической партии, общественного и религиозного объединения;

- принимать негласное участие в работе федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также в деятельности зарегистрированных в установленном порядке и незапрещенных политических партий, общественных и религиозных объединений в целях оказания влияния на характер их деятельности;

- разглашать сведения, которые затрагивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан и которые стали известными в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами;

- подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация);

- фальсифицировать результаты оперативно-розыскной деятельности.

Проведение оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и получение компьютерной информации, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи допускается в соответствии с Конституцией и Законом об ОРД на основании судебного решения и при наличии информации: о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно; о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно; о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

Эти же обстоятельства должны быть учтены при рассмотрении материалов, подтверждающих необходимость проникновения в жилище против воли проживающих в нем лиц (ст. 25 Конституции РФ), если такие материалы представляются в суд органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [5].

Кроме того, результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц, могут быть использованы в качестве доказательств по делам, лишь когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Закон об ОРД при осуществлении оперативно-розыскной деятельности допускает временное ограничение некоторых конституционных прав граждан, в частности права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23), права на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ).

Допуская временные ограничения конституционных прав граждан при осуществлении ОРД, законодатель закрепляет комплекс правовых гарантий, обеспечивающих допустимость ограничения прав и свобод граждан в ОРД. Большая часть таких гарантий предусмотрена в Законе об ОРД, но основа заложена в Конституции Российской Федерации и в общепризнанных принципах и нормах международного права, что позволяет создать гармоничную систему отношений в которых соблюда-

ются права и свободы человека и гражданина и лицо, нарушившее закон, не избежит юридической ответственности.

Список источников

1. *Оперативно-розыскная* деятельность органов внутренних дел. Общая часть : электронное учебное издание / В. А. Гусев, В. Ф. Луговик, А. Е. Чечетин [и др.]. Омск, 2021

2. *Конституционное* (государственное) право / М. А. Бучакова, Ю. В. Герасименко, А. В. Жилиев [и др.]. Омск, 2021.

3. *Кошелев Е. В.* Международно-правовые стандарты защиты прав человека в Российской Федерации // Международные стандарты прав человека : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Омск, 30 мая 2014 года. Омск, 2015.

4. *Об оперативно-розыскной* деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Кошелев Е. В.* Конституционные гарантии прав и свобод личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Омск, 2022.

В. Ф. Луговик

О конституционной основе антикриминального законодательства

Конституционная составляющая антикриминального законодательства не относится к числу проблем, исследованных правовой наукой. Возможно, причина невнимания кроется в недооценке ее научной и практической значимости. Действительно, возникает вопрос, в чем же актуальность проблемы конституционной иерархии и структуры антикриминального законодательства, какова значимость такого исследования для науки и что это дает практике. Правильная формулировка проблемы уже показывает ее остроту и помогает определить предварительные контуры решения. В связи с этим целесообразно обратить внимание на три аспекта.

1. *Теоретико-методологический.* Не осознано само «право» на существование антикриминального законодательства, не определена методология построения его иерархии и структуры.

2. *Нормотворческий*. Не сформулированы концептуальные идеи, позволяющие определить пределы и допустимость конкретизации конституционных антикриминальных норм-посылов (норм-принципов) федеральными законами, подзаконными нормативными правовыми актами и нормативными судебными решениями [1, с. 21].

3. *Правоприменительный*. Не разработаны с опорой на конституционную иерархию и структуру антикриминального законодательства базовые положения по системному применению норм разных отраслей права в деятельности по борьбе с преступностью.

В силу взаимосвязанности элементов их обособленное рассмотрение не даст цельной картины сложившейся ситуации. Синтетический подход, используемый при исследовании сложных систем, предполагает предварительную конкретизацию проблемы, позволяющую перейти к ее комплексному решению, поэтому изначально нужно определиться с содержанием именно антикриминального законодательства.

Общепризнано, что сама природа права отвергает возможность существования комплексных отраслей права в отличие, например, от отраслей законодательства, где такая вероятность не исключается [2, с. 123]. Мы допускаем существование комплексной отрасли антикриминального законодательства, которое характеризуется не только сопоставимостью входящих в него норм различных отраслей права, но и различными способами правового регулирования [3, с. 57]. Аксиоматичным является понимание законодательства в широком и узком смысле: в широком законодательство включает в себя как законы, так и иные нормативные правовые акты (указы, постановления, приказы и др.); в узком — только законы. Учитывая, что в структуру антикриминального законодательства входят оперативно-розыскные нормы, в том числе, содержащиеся и в подзаконных правовых актах, то это безальтернативно предполагает рассмотрение такого законодательства в широком значении [4, с. 462].

Термин «антикриминальный» применительно к наименованию законодательства не имеет легального определения и в классификаторе отраслей законодательства никогда не употреблялся и не употребляется. На страницах научных изданий можно встретить наполняемый аналогичным смыслом, но противоположный по звучанию термин «криминальное законодательство». Однако более популярно словосочетание «антикриминальное законодательство» ввиду ясности отражения его сути и предметной направленности. Иногда содержание данного

понятия раскрывается путем включения в него уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного законодательства [5, с. 641], тем самым предлагается его структура. В связи с этим возникает несколько вопросов. Во-первых, возможно ли существование комплексной отрасли антикриминального законодательства; во-вторых, допустимо ли в качестве структурного элемента антикриминального законодательства рассматривать конституционные нормы, а в-третьих, входят ли в данное законодательство нормы отраслей, напрямую не связанные с борьбой с преступностью, но имеющие антикриминальный потенциал (гражданского, административного, гражданско-процессуального и др.)?

В научной среде обсуждаются идеи консолидации правового массива, содержащего антикриминальные нормы. В дискуссии участвуют представители различных отраслей юридической науки. Активно проблема исследуется и в криминологии, где высказано близкое нам в силу антикриминальной направленности суждение о формировании в России криминологического права и криминологического законодательства [6, с. 49]. Некоторые ученые говорят о криминологическом антикоррупционном законодательстве [7, с. 173; 8, с. 156; 9, с. 19; 10, с. 47].

Сложная структура преступности и многофакторный причинный комплекс требуют межотраслевого подхода к выработке антикриминальных мер [11, с. 97] и здесь необходимо в каждом элементе структуры законодательства вычленить и развить антикриминальный аспект. Основой этой отрасли должны быть конституционные положения и принципы. Конечно, имеется в виду не буквальная имплементация и зеркальное дублирование конкретных норм Конституции России в отраслевых законах, а реализация конституционных антикриминальных идей в целом. Конституционализация антикриминального законодательства должна идти по пути приведения его институтов в согласие с конституционными императивами. Такой подход полностью соответствует ожиданиям общества и устоявшимся в российской национальной правовой культуре идеям правопорядка, не разграничивающим отрасли и институты права на обособленные субстанции, а наоборот, консолидирующим антикриминальный правовой массив.

Право в целом имеет (по крайней мере, должно иметь) антикриминальный потенциал, так как предназначено гармонизировать личные, общественные и государственные интересы, обеспечивая тем самым охрану правопорядка и безопасность общества. Это касается большинства сфер социальной жизнедеятельности. Так, регулируя

гражданско-правовые отношения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, законодатель стремится предотвратить коррупцию и другие злоупотребления в этой области (на что прямо указано в ст. 1 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»); трудовое и социальное законодательство предназначено наряду с гармонизацией трудовых отношений не допустить переход социальных конфликтов в деструктивную плоскость, предотвратить радикализацию социальных групп и трансформацию социальной напряженности в криминализацию общества.

Рассмотрим иерархию антикриминального законодательства. В иерархии законов, определяющей приоритетность одних над другими, П. В. Крашенинников выделяет Конституцию Российской Федерации (основной закон), законы Российской Федерации о поправках в Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы [12]. В. А. Толстик предлагает следующие уровни законодательства: 1) Конституция России; 2) закон, принятый на референдуме; 3) федеральные конституционные законы; 4) международные договоры; 5) федеральные законы [13, с. 79]. Имеются и другие мнения относительно законодательной вертикали [14], но в любом случае речь идет о ранжировании и соподчиненности законов: подзаконные акты находятся за рамками законодательства.

Постулатом выступает суждение, что иерархия отражает дифференциацию нормативных правовых актов по юридической силе. В настоящее время расширяется интервал регулирующего воздействия подзаконных нормативных правовых актов и далеко не все из них напрямую связаны с Конституцией РФ. Подзаконные нормативные правовые акты должны содержать подчиненные закону нормы, детализирующие, уточняющие и даже разъясняющие законодательные положения. Только такой подход позволяет органично ввести их в канву антикриминального законодательства и обеспечить законность правоприменения.

Список источников

1. *Иванов Р. Л.* К вопросу об источниках норм права в Российской Федерации // Вестник Омского государственного университета. Серия: Право. 2004. № 1.

2. *Севрюгин В. Е.* Административно-процессуальное право России: состояние, проблемы и перспективы // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 1.

3. *Панова А. С.* Законодательство Российской Федерации о качестве и безопасности товаров: современное состояние и направления развития // Бизнес, менеджмент и право. 2017. № 3-4.

4. *Дело Пасько (Pasko) против Российской Федерации»* (жалоба № 69519/01) : постановление Европейского Суда по правам человека от 22 октября 2009 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 4 ;

5. *Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В., Платонова Н. И.* Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к de lege ferenda // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4.

6. *Петровский А. В.* Институты российского криминологического законодательства // Российский следователь. 2020. № 1.

7. *Клейменов М. П.* Криминологическое законодательство // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1.

8. *Клейменов М. П.* Криминологическое законодательство и криминологическое право в России // Lex Russica. 2018. № 2.

9. *Орлов В. Н.* Основы криминологического права : учебник. М., 2016.

10. *Орлов В. Н.* Криминолого-правовые основы предупреждения коррупционных преступлений // Российский следователь. 2019. № 7.

11. *Колесников В. В.* Эффективность уголовной политики в фокусе экономической теории права // Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики : мат-лы конф. СПб., 2008.

12. *Крашенинников П. В.* Закон и законотворческий процесс. М., 2017.

13. *Толстик В. А., Дворников Н. Л., Каргин К. В.* Системное толкование норм права. М., 2010.

14. *Шахрай С. М.* Конституционное право Российской Федерации : учебник. 4-е изд, изм. и доп. М., 2017.

Д. Ю. Мурашов

Соблюдение конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет

В современных условиях все больший объем криминально значимой информации проникает в сеть Интернет. Поэтому эффективность раскрытия преступлений зависит от умений сотрудников оперативных подразделений ее накапливать и анализировать. Оперативно-розыскные

мероприятия в сети Интернет являются одним из инструментов борьбы с преступностью. В ходе оперативно-розыскной деятельности сотрудники правоохранительных органов осуществляют сбор информации о лице с использованием ресурсов сети Интернет. Это достигается путем проведения таких мероприятий, как опрос, наведение справок, наблюдение, контроль сообщений, снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации. Их целью является получение полной информации о лице, обоснованно подозреваемом в подготовке или совершении преступлений, при этом в поле зрения оперативных подразделений могут попадать факты, содержащие сведения о частной жизни. Именно поэтому оперативно-розыскные мероприятия должны проводиться при наличии оснований, с соблюдением условий и принципов конфиденциальности, защиты персональных данных, а также соблюдения прав и свобод граждан.

В соответствии со ст. ст. 23 и 24 Конституции Российской Федерации, каждый гражданин имеет право на неприкосновенность частной жизни и тайну своих сообщений и переписки. Сбор и использование информации о частной жизни лица без его согласия является недопустимым. Однако иногда в процессе раскрытия преступлений выявление некоторых фактов, имеющих доказательственное значение, может быть затруднено или невозможно без доступа к подобной информации, например, к данным, связанным с коммуникацией, включая электронные сообщения, переписку и другие виды обмена информацией. В таких ситуациях возникает проблема баланса между правом на неприкосновенность частной жизни и обеспечением публичных интересов. Здесь, исходя из интересов общества и необходимости соблюдения прав и свобод граждан, следует соблюдать принципы сбалансированности и пропорциональности.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»^{*} проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина, может осуществляться только на основании судебного решения. Таким образом, закон устанавливает правила и процедуры для проведения оперативно-розыскных мероприятий, что обеспечивает необходимый контроль и паритет между правом на неприкосновенность и защитой общественной безопасности.

^{*} Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При добровольном размещении информации в открытом доступе в социальных сетях лицо сознательно предоставляет доступ к ней неограниченному кругу лиц. В таких случаях нет необходимости получать судебное либо какое иное решение для сбора этой информации. Более сложным является вопрос о порядке получения информации, размещенной на закрытой части социальной сети. Для сбора и хранения такой информации требуется, во-первых, соблюдение юридической процедуры, а во-вторых, применение специальных методов и технологий. В таких ситуациях требуется соответствующее разрешение либо согласие владельца страницы или судебное решение, предоставляющее право на сбор такой информации.

Передача и обработка информации на территории Российской Федерации регулируются Федеральным законом от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (далее — Закон «О связи») и Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В соответствии со ст. 64 Закона «О связи» операторы связи обязаны сохранять текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео- и прочие сообщения, передаваемые пользователями посредством услуг связи. А согласно ст. 10¹ Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» данная обязанность ложится и на организаторов распространения информации, включая социальные сети, которые являются организованными сетями электронных коммуникаций. Они обязаны хранить текстовые сообщения, голосовую информацию, изображения, звуки и прочие электронные сообщения, предоставленные пользователями сети Интернет.

Приведенные положения ограничивают конституционные права граждан, однако в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации законодатель имеет право на ограничение прав человека в той мере, которая является необходимой для защиты охраняемых Конституцией ценностей. Такие ограничения должны быть пропорциональными и ограничивать права граждан только в той степени, которая является необходимой и соразмерной достижению указанных целей.

Данные положения федеральных законов не проводят различия между видами хранимой информации. Они ориентированы на обеспечение хранения всей доступной информации, включая ту, которая может относиться к личной жизни граждан. Это законодательное положение открывает возможность для проведения оперативно-розыскных мероприятий, в рамках которых может осуществляться сбор и хранение информации

о частной жизни лиц без их явного согласия. Такая ситуация вызывает вопросы о соблюдении конституционных гарантий прав граждан и требует обеспечения баланса между защитой общественной безопасности и обеспечением неприкосновенности частной жизни граждан.

Таким образом, если в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий потребуется осуществление сбора информации о частной жизни лица посредством использования ресурсов сети Интернет, включая получение информации из закрытой части социальной сети, это может ограничивать конституционные права граждан. Однако в соответствии с действующими нормами указанная информация о личной жизни уже накоплена и хранится оператором социальной сети. Поэтому сбор такой информации может быть осуществлен путем обращения к оператору без доступа к закрытым разделам социальной сети конкретного лица. При этом оперативно-розыскные мероприятия могут быть направлены на получение информации от юридических лиц, в частности, владельцев социальной сети, что позволяет избежать прямого вмешательства в конституционные права граждан на неприкосновенность частной жизни. При этом следует учитывать не только необходимость борьбы с преступностью, но и обеспечение соблюдения конституционных гарантий прав граждан на неприкосновенность частной жизни.

В. В. Новодон

Влияние правового режима осуществления оперативно-розыскной деятельности на формирование административно-правового статуса сотрудника уголовного розыска

Понятие административно-правового статуса сотрудника уголовного розыска — достаточно неразработанная научная, теоретическая и практическая проблема, связанная с определением понятия и содержания правового положения граждан РФ в области обеспечения национальной безопасности [1; 2], охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [3; 4], а также административно-правовых характеристик оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации, базирующегося на положениях Конституции РФ, Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» иных нормативных правовых актов [5; 6].

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7] (далее — ФЗ об ОРД) задает правовые и организационные основы правового режима оперативно-розыскной деятельности как совокупности правовых норм, организационных и иных мер, направленных на обеспечение гласного и негласного осуществления оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то ФЗ об ОРД, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [8].

Административно-правовой статус сотрудника уголовного розыска органов внутренних дел РФ — это сложная правовая конструкция, базирующаяся на общем административно-правовом статусе человека и гражданина в РФ, общем статусе государственного служащего РФ. В ее основе лежат законодательно определенные служебные обязанности и права административно-правового характера, которыми наделяются сотрудники уголовного розыска для осуществления задач и функций, стоящих перед органами внутренних дел и подразделениями уголовного розыска, реализация которых обеспечивается системой гарантий, включая возможность привлечения сотрудников уголовного розыска к юридической ответственности за совершение ими правонарушений, вызывающих или могущих вызвать неблагоприятные последствия для выполнения сотрудниками должностных и служебных обязанностей.

Административно-правовой статус сотрудников уголовного розыска органов внутренних дел РФ может быть общим (как сотрудников органов внутренних дел в целом), родовым (отражающим принадлежность сотрудников к подразделениям уголовного розыска) и индивидуальным (содержащим персонифицированный объем полномочий отдельного сотрудника), зависящий от замещаемой должности, индивидуально определенных обязанностей и предоставляемых в связи с этим прав, закрепленных законодательно и конкретизированных в подзаконных правовых актах.

В научной литературе уже высказывались небезосновательные мнения о тесной взаимосвязи административного и оперативно-розыскного законодательства [9; 10]. Анализ положений ФЗ об ОРД позволяет выделить целый ряд положений, влияющих на административно-правовой статус сотрудника уголовного розыска в целом или на его отдельные элементы. В большей степени это влияние отражается на служебно-должностной составляющей административно-правового статуса сотрудника уголовного розыска, определяя его обязанности и права

в целях достижения задач ОРД, закрепленных в ст. 2 ФЗ об ОРД. Так, решение такой задачи, стоящей перед ОРД, как добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности РФ, не может быть осуществлено без использования административно-правовых средств. Актуальными является использование административно-правовых средств выявления преступлений.

Сотрудники уголовного розыска могут выступать в качестве должностных лиц и представителей власти.

Игнорирование или нарушение сотрудником конституционных принципов ОРД, закрепленных в ст. 3 ФЗ об ОРД (законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств), влечет применение к сотруднику мер воздействия, в том числе и административного характера, включая привлечение к дисциплинарной, административной и иным видам ответственности, что может не только повлечь для него временные неблагоприятные последствия личного, имущественного характера, но и прекратить его службу в ОВД, когда лицо кардинально меняет свой административно-правовой статус путем утраты или изменения его служебно-должностной составляющей.

Административно-процедурный характер носит принятие ведомственных правовых актов, касающихся организации и тактики проведения ОВД ОРМ. Соответствующими полномочиями наделены руководители ОВД.

Без использования административно-правовых средств невозможно соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД. Как правило, это гласные административно-правовые отношения, связанные с административным или судебным обжалованием, обращением в вышестоящий орган внутренних дел или прокуратуру.

Преимущественно в административно-правовом поле развиваются возникающие в рамках осуществления ОРД информационные отношения, отношения, связанные с цифровизацией деятельности подразделений уголовного розыска, информационным обеспечением и документированием оперативно-розыскной деятельности, защите сведений об органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Характер осуществления ОРД налагает на сотрудников уголовного розыска дополнительные обязанности, ограничения и запреты, следование которым — важнейшая составляющая их административно-правового статуса.

Нормы административного права во многом определяют порядок применения мер безопасности в отношении защищаемых лиц, регулируют вопросы содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, их социальной и правовой защиты. Так, в целях обеспечения безопасности лиц, сотрудничающих с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и членов их семей допускается проведение специальных мероприятий по их защите.

Административно-правовой характер имеет защита государственной тайны в ходе осуществления ОРД, применение специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Статья 16 Закона об ОРД посвящена социальной и правовой защите должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, что рассматривается как в системе условий, обеспечивающих осуществление ОРД, так и в системе гарантий реализации статуса сотрудников уголовного розыска.

С административно-правовым статусом сотрудника уголовного розыска связана реализация контрольных и надзорных полномочий уполномоченных государственных органов.

Таким образом, многообразие административно-правовых отношений, участниками которых являются сотрудники уголовного розыска, актуализирует исследование их административно-правового статуса.

Список источников

1. *Редкоус В. М.* К вопросу об обеспечении национальной безопасности как функции современного российского государства // *Право и государство: теория и практика.* 2009. № 1(49).

2. *Правовое* обеспечение национальной безопасности. Тридцать лет законодательству о безопасности Российской Федерации : обзор всероссийской научно-практической конференции (Москва, РАНХиГС, 22 апреля 2022 г.) / *А. М. Воронов, И. Б. Кардашова, А. Ю. Винокуров [и др.]* // *Современное право.* 2022. № 10.

3. *Редкоус В. М.* Основные направления административно-правовых исследований в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности (по материалам расширенного заседания коллегии МВД России 20 марта 2023 г.) // *Актуальные вопросы применения норм административного права (Кореневские чтения) : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф.* / сост. Г. Н. Василенко. М., 2023.

4. *Правовое* регулирование публичных финансовых отношений в современной России / *М. Н. Кобзарь-Фролова, С. В. Запольский, Е. Л. Васянина [и др.]*. М., 2022.

5. *Административно-правовые отношения в отраслях экономики* / М. Н. Кобзарь-Фролова, С. А. Агамагомедова, Н. Г. Андрианова [и др.]. Воронеж, 2023.

6. *Галузо В. Н., Канафин Н. А., Редкоус В. М.* Доказывание в правосудии Российской Федерации. М., 2022.

7. *Собрание законодательства Российской Федерации.* 1995. № 33, ст. 3349.

8. *Редкоус В. М.* Понятие административно-правовых режимов, устанавливаемых в области обеспечения национальной безопасности // *Право и государство: теория и практика.* 2009. № 12(60).

9. *Василенко Г. Н.* Административно-правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

10. *Брылев В. И., Кулькова Е. В.* Соотношение оперативно-розыскной деятельности со смежными видами деятельности // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* 2012. № 1-2.

А. П. Пинчук

Решения Конституционного Суда РФ как регулятор оперативно-розыскных отношений

В 2009 году Председатель Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ) В. Д. Зорькин на Всемирной конференции по конституционному правосудию в Кейптауне повторил ранее им уже высказанную позицию, что КС выступает субъектом правотворчества [1]. Выходит, что, творя право, КС является регулятором общественных отношений, которые, определенно, складываются и при осуществлении ОРД.

Ежегодно число обращений граждан в КС на действия оперативно-розыскных органов увеличивается на 20–60% [2]. Принято более 300 решений по таким обращениям. В учебной литературе по ОРД можно встретить утверждение, что решения КС по своей юридической силе относятся к высшему уровню правового регулирования ОРД наряду с Конституцией РФ [3, с. 52].

Например, КС РФ разрешил вопрос о сроках проведения ОРМ «проверочная закупка» [4]. Фактически, было выработано правило, что конкретных сроков для проведения проверочной закупки после получения судебного решения установлено быть не может и таковые определяются ситуативно.

Как известно, механизм правового регулирования наряду с юридическими средствами (например, решениями КС РФ) включает в себя и такой элемент, как правоотношение. В связи с этим крайне актуально обосновать существование и определить природу отношений, возникающих в сфере ОРД.

Российское право не оперирует понятием «оперативно-розыскное правоотношение», в отличие от зарубежного законодательства [5]. Многие отечественные ученые исходят из презумпции наличия оперативно-розыскных правоотношений [6; 7].

Вместе с тем некоторые правоведы не придерживаются такой позиции (А. Р. Белкин, Б. Т. Безлепкин, А. С. Князьков и др.), отмечая, что в правоотношениях субъекты наделены и знают о своих правах и обязанностях, а разведывательные оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ) по своей природе правоотношений не порождают [8].

На наш взгляд, негласность не только не отменяет правоотношения, а напротив, является необходимым условием его реального существования [9, с. 102].

Приведем аргументы в пользу существования негласных правоотношений. Таковые встречаются в других отраслях права. В уголовном процессе контроль и запись переговоров проводится без ведома проверяемого лица, что в науке именуется негласным правоприменением и, как следствие, негласными следственными действиями [10, с. 7]. В гражданском праве существует некий правовой фантом — субъект правоотношения, т. е. физическое лицо может фактически умереть, но пока это юридически не оформлено правоотношение сохраняется [11, с. 112].

Тем не менее, полагаем, что имеет место некая юридическая фикция, когда в правоотношение «субъект (оперативное подразделение) — субъект (разрабатываемое лицо)» вступает третье лицо — государство, которое и обеспечивает эту непрямую корреспондирующую связь. Например, лицо не знает о производстве в отношении него ОРМ, и кажется, что не имеет прав и обязанностей в связи с этим, не оповещено о них. Однако его права вытекают из Закона об ОРД, а именно из обязанности органа получить санкцию на проведение ОРМ, использовать надлежащую спецтехнику, документировать мероприятие, не допускать нарушения Закона об ОРД и т. д. Это в свою очередь обеспечивается судебным (в том числе конституционным) и ведомственным контролем, прокурорским надзором.

Итак, мы видим атипичную конструкцию правоотношения, что позволяет говорить о существовании негласных правоотношений в сфере ОРД.

В связи с тем что правоотношение имманентно присуще отрасли права, поскольку тесно связано с предметом правового регулирования

и является его правовым оформлением, возникает вопрос о том, к какой отрасли права можно отнести правоотношения в сфере ОРД. Сегодня в науке можно встретить мнение о существовании отрасли оперативно-розыскного права, ввиду чего наличие специфических правоотношений позволяет рассуждать о существовании такой отрасли, а о решениях КС РФ считать ее источником.

Список источников

1. *Права человека в контексте глобальной юриспруденции* : доклад на Всемирной конференции по конституционному правосудию. Кейптаун, 23-24 января 2009 г. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=22> (дата обращения: 10.05.2023).

2. *Тематика обращений в Конституционный Суд Российской Федерации*. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic.aspx> (дата обращения: 10.05.2023).

3. *Теория оперативно-розыскной деятельности* : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. М., 2018.

4. *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богородицкого Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»* : определение Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 1586-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Об оперативно-розыскной деятельности* : закон Республики Армения от 19 ноября 2007 г. № ЗР-223. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52390 (дата обращения: 10.05.2023).

6. *Гусев В. А., Луговик В. Ф.* Теория оперативно-розыскных процедур : монография. М., 2019.

7. *Насонова И. А.* О необходимости принятия систематизированного законодательного акта, регулирующего оперативно-розыскные правоотношения // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. трудов. Могилев, 2016.

8. *Безлепкин Б. Т.* Настольная книга следователя и дознавателя. М., 2008.

9. *Маркушин А. Г., Аменицкая Н. А.* Оперативно-розыскная деятельность в раскрытии и расследовании преступлений : учеб. пособие для вузов ; под ред. А. Г. Маркушина. М., 2019.

10. *Луговик В. Ф., Баранов А. М.* Негласное правоприменение в уголовном преследовании // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2(57).

11. *Пятков Д. В.* Смерть человека в контексте учения о лицах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3.

Н. К. Пчоловский

Вопросы ограничения прав и свобод при осуществлении ОРД в решениях Конституционного Суда Российской Федерации

Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности (ОРД) — деятельность субъектов ОРД, направленная на защиту, охрану и восстановление нарушенных прав и свобод личности при осуществлении ОРД.

После принятия Конституционным Судом определения от 14 июля 1998 года № 86-0 [1] в число нормативно правовых актов (далее — НПА), составляющих правовую основу ОРД, включают и определения Конституционного Суда РФ.

Согласно ст. 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2], решение Конституционного Суда действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами, а позиция Конституционного Суда подлежит учету правоприменительными органами с момента вступления его в силу.

Отличительной особенностью определения Конституционного Суда РФ является наличие в нем правовых позиций оспариваемого в жалобе положения ФЗ «Об ОРД». В этих определениях Конституционный Суд РФ юридически оценивает доводы, изложенные в жалобе, не рассматривая их в общем порядке. Оценка, изложенная в этих заключениях Конституционного Суда, имеет ту же юридическую силу, что и решения Конституционного Суда.

Рассмотрим некоторые определения Конституционного Суда РФ, касающиеся ОРД.

1. Определение Конституционного Суда от 14 июля 1998 г. № 86-0.

Конституционный Суд РФ обязывает субъектов ОРД, осуществляющих проведение негласных ОРМ в соответствии с требованиями конспирации и засекречивания информации, перед проведением указанных мероприятий проверять полученную ими оперативную информацию о причастности лица к совершению противоправных действий.

Закон «Об ОРД» позволяет использовать информацию, касающуюся проверяемого лица, только если она связана с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а также выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Ходатайство в суд о проведении ОРМ, а также судебное постановление о проведении ОРМ, ограничивающее конституционные права граждан, должно содержать конкретные данные о незаконной деятельности лица, и цели проведения ОРМ в соответствии с Федеральным законом «Об ОРД».

Если сведения, на основании которых было начато ОРМ и заведено дело оперативного учета (далее — ДОУ), не были подтверждены или признаки преступления отсутствуют, то проводимое ОРМ и ДОУ подлежат прекращению.

2. Определение Конституционного Суда от 2 октября 2003 г. № 345-0 [3].

Конституционный Суд определил, что сведения о телефонных соединениях абонентов (подробные телефонные разговоры) могут быть получены исключительно на основании судебного решения, поскольку относятся к информации, охраняемой Конституцией РФ.

3. Определение Конституционного Суда от 4 февраля 1999 г. № 18-0 [4].

Из этого определения следует, что результаты ОРМ доказательствами не являются, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона «Об ОРД», могут стать доказательствами после закрепления их надлежащим процессуальным путем.

Эта правовая позиция в большей степени регулирует не ОРД, а процессуальный порядок использования для доказательства ее результатов, устраняя недостатки ст. 89 УПК РФ, тем не менее она обязывает оперативных сотрудников соблюдать порядок представления оперативно-розыскных материалов следователю и создавать необходимые условия для их проверки процессуальным путем.

Таким образом, результаты ОРД могут быть представлены следователю только на основании постановления органа, осуществляющего ОРД, и содержать сведения, необходимые для легализации им результатов ОРД (опросы и данные лиц, участвовавших при досмотре и т. д.).

4. Определение Конституционного Суда от 1 декабря 1999 г. № 211-О [5]. Это решение, по сути, повлекло запрет на допрос находящегося под стражей обвиняемого даже по указанию следователя, без предоставления ему права отказать в даче показаний, а также возможность участия адвоката при опросе.

Результаты опросов граждан, проведенных до возбуждения уголовного дела и без присутствия адвоката (или отказа от него) не могут в дальнейшем использоваться при доказывании и подлежат признанию недопустимыми доказательствами в суде.

В своих решениях Конституционный Суд всегда отстаивал позицию, которая способствует защите конституционных прав и свобод человека и гражданина. И хотя решения Конституционного Суда формально носят рекомендательный характер и не являются официальным правовым источником в России, они, играют важную роль в процессе проведения оперативно-розыскной деятельности всеми ее субъектами.

Список источников

1. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой : определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.»

2. *О Конституционном Суде Российской Федерации* : федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ от 25 июля 1994 г. № 13, ст. 1447.

3. *Об отказе* в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи» : определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 345-О.

4. *По жалобе* граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О.

5. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. № 211-О // Собрание законодательства РФ. 2000. № 10, ст. 1164.

И. П. Пилюшин

Порядок изменения следователем, дознавателем меры пресечения в виде заключения под стражу

В части 1 статьи 110 УПК РФ указывается, что мера пресечения может быть изменена на более строгую или более мягкую. Заключение под стражу занимает особое место в системе мер пресечения. В связи с чем мы выделяем некоторые особенности изменения данной меры пресечения.

Во-первых, заключение под стражу является самой строгой среди других мер пресечения, предусмотренных законом. В связи с этим заключение под стражу может быть изменено только на более мягкую меру пресечения, например, на залог или на подписку о невыезде и надлежащем поведении.

Во-вторых, законодатель предусмотрел специальное основание для изменения меры пресечения в виде заключения под стражу. Речь идет о выявлении у подозреваемого или обвиняемого (далее — обвиняемый) тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию в условиях следственного изолятора. Предусмотрен перечень таких заболеваний, например, туберкулез органов дыхания с явлениями дыхательной недостаточности третьей степени [1]. Наличие такого должно быть доказано. Доказательством является медицинское заключение, составленное по результатам медицинского освидетельствования. Генеральный прокурор Российской Федерации требует в целях пресечения незаконного изменения меры пресечения в виде заключения под стражу проверять, имеется ли в материалах уголовного дела медицинское заключение установленной формы о наличии (отсутствии) у лица тяжелого заболевания [2]. Хотелось бы обратить внимание на то, что речь идет не о следственном действии «освидетельствование», предусмотренном ст. 179 УПК РФ. Инициировать проведение медицинского освидетельствования вправе обвиняемый, либо его защитник, либо его законный представитель путем подачи соответствующего письменного заявления следователю или начальнику следственного изолятора. Руководитель медицинского подразделения следственного изолятора вправе направить начальнику следственного изолятора ходатайство о проведении медицинского освидетельствования обвиняемого.

В-третьих, законодатель устанавливает срок принятия следователем или дознавателем (далее — следователь) решения об изменении меры пресечения, который составляет до трех суток со дня поступления к следователю из следственного изолятора копии медицинского заключения, где указывается наличие у обвиняемого соответствующего заболевания.

Законодатель указывает, что мера пресечения изменяется, когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные ст. ст. 97, 99 УПК РФ. Поскольку изменение меры пресечения в виде заключения под стражу возможно только в сторону смягчения, то обстоятельства, регламентированные данными нормами, также должны измениться в сторону смягчения, улучшения. Так, вероят-

ность того, что обвиняемый скроется от предварительного следствия, должна стать меньше. На изменение вероятности должен указывать конкретный факт. Например, следователь смягчил обвинение, в связи с чем обвиняемому грозит менее строгое наказание, что уменьшает вероятность его ненадлежащего поведения. Можно сказать, что обстоятельство, которое послужило основанием для заключения под стражу, должно измениться в позитивную сторону, что может повлечь изменение данной меры пресечения. Генеральный прокурор Российской Федерации обращает внимание на то, что при изменении меры пресечения на менее строгую нужно устанавливать, имеются ли достаточные основания полагать, что обвиняемый предпринимает активные действия, препятствующие нормальному расследованию по уголовному делу, или нарушает ранее данные обязательства, например, о явке по вызову следователя [3].

Аналогично можно рассуждать по поводу обстоятельств, указанных в статье 99 УПК РФ, которые учитываются при выборе вида меры пресечения в отношении определенного обвиняемого. Данное обстоятельство тоже должно измениться в положительную сторону и прямо или косвенно указывать на то, что обвиняемый вряд ли скроется от предварительного следствия. Например, изменилось семейное положение обвиняемого, у него родился ребенок. В практике имел место случай, когда вместо удовлетворения ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей суд учел, что обвиняемый женат, имеет малолетних детей, положительно характеризуется по месту службы и жительства, награжден ведомственными наградами, отсутствие у него заграничного паспорта и частичное признание вины, его поведение в момент задержания, изменил ранее избранную меру пресечения в виде заключение под стражу на домашний арест [4]. Генеральный Прокурор Российской Федерации обязывает дознавателей в каждом случае изучать возможность применения иной, более мягкой меры пресечения по сравнению с мерой пресечения в виде заключения под стражу [5].

Мера пресечения может быть отменена или изменена. Это два альтернативных процессуальных решения. Рассмотрим отличия одного решения от другого. В каком случае мера пресечения должна быть отменена, а когда может быть изменена: Отмена меры пресечения является радикальным решением в сравнении с решением об ее изменении. В случае отмены меры пресечения она перестает применяться в отношении обвиняемого, т. е. предусмотренные ею ограничения прав и свобод перестают действовать окончательно. В случае изменения меры пресечения она

продолжает действовать, меняются только формы, способы ограничения прав и свобод человекам и гражданина.

Законодатель констатирует, что мера пресечения изменяется, когда изменяются основания для ее избрания. В связи с этим неясно, следовательно вправе или обязан изменить меру пресечения. На наш взгляд, следовательно вправе изменить меру пресечения, несмотря на наличие основания для принятия данного процессуального решения. Исключением выступает изменение меры пресечения в виде заключения под стражу в случае выявления у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. В данной ситуации следователь обязан изменить данную меру пресечения на другую. Здесь в основе лежит правило императивности.

Порядок изменения меры пресечения в виде заключения под стражу имеет некоторые особенности. Мнения одного следователя или дознавателя будет недостаточно для ее изменения. Законодатель указывает, что мера пресечения, избранная следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, может быть изменена только с согласия этих лиц (ч. 3 ст. 110 УПК РФ). Следовательно, для изменения меры пресечения в виде заключения под стражу необходимо согласие руководителя следственного органа, прокурора, т. е. их мнение должно совпасть с мнением следователя, дознавателя соответственно. В противном случае следователь (дознаватель) не вправе изменить данную меру пресечения.

Несмотря на то что лицо заключается под стражу только по решению суда, для изменения заключения под стражу на другую меру пресечения решения суда не требуется, необходимо лишь согласие руководителя следственного органа, прокурора, о чем мы упоминали выше. Такое правовое регулирование можно объяснить рядом аргументов.

Во-первых, при заключении обвиняемого под стражу его положение в уголовном деле значительно ухудшается, поскольку он существенно ограничивается в правах на свободу и личную неприкосновенность. В данном контексте именно судебное решение о заключении лица под стражу выступает некой процессуальной гарантией законности и обоснованности применения самой строгой меры пресечения. Поэтому, помимо согласия руководителя следственного органа, прокурора, необходимо решение суда.

Во-вторых, меру пресечения в виде заключения под стражу можно изменить только на более мягкую меру пресечения, что, безусловно, улучшает положение обвиняемого в уголовном деле, следовательно,

данное процессуальное решение идет ему на благо. В связи с этим, законодатель вполне справедливо решил, что для этого не нужно решение суда.

В-третьих, несмотря на то что судебное решение не требуется, законодатель сохранил наличие согласия руководителя следственного органа, прокурора на изменение меры пресечения в виде заключения под стражу. В этом есть проявление процессуального контроля руководителя следственного органа и надзора прокурора за законностью и обоснованностью изменения следователем или дознавателем данной меры пресечения. Согласование данного процессуального решения позволяет исключить ошибку. Поэтому, если руководитель следственного органа не даст следователю согласие на изменение заключения под стражу, то данная мера пресечения продолжит свое действие до истечения срока ее применения. Аналогично можно рассуждать и по поводу такого же решения дознавателя.

Однако здесь есть исключения. Одно из них мы указывали выше: когда доказано наличие у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. Второе исключение состоит в истечении срока содержания под стражей. В такой ситуации, если следователь (дознаватель) не обратился в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей либо суд отказал в удовлетворении данного ходатайства, то несмотря на отсутствие согласия руководителя следственного органа, прокурора, следователь, дознаватель обязаны отменить или изменить меру пресечения в виде заключения под стражу.

Законодатель указывает, что изменение меры пресечения производится по постановлению дознавателя, следователя. Мера пресечения, избранная в ходе досудебного производства следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, может быть изменена только с согласия этих лиц. Таким образом, следователь, дознаватель составляет постановление об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на другую меру пресечения, например, на подписку о невыезде и надлежащем поведении, и письменно согласовывает его с руководителем следственного органа или с прокурором соответственно.

Необходимо понимать, что в практической деятельности следователь предварительно выяснит позицию руководителя следственного органа, а дознаватель выяснит мнение прокурора по поводу изменения меры пресечения, обоснует необходимость принятия данного процессуально-

го решения. Руководитель следственного органа может изучить материалы уголовного дела. Аналогично может поступить и прокурор, который истребует и изучит уголовное дело, находящееся в производстве у дознавателя. Если руководитель следственного органа, прокурор не даст предварительного согласия на изменение меры пресечения, то следователь, дознаватель не будет инициировать принятие данного процессуального решения, поскольку вынесение постановления об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на другую меру пресечения будет бессмысленно, и данный процессуальный документ будет юридически ничтожен.

Одним из процессуальных полномочий руководителя следственного органа является дача следователю указания об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Здесь возникает вопрос о том, вправе ли он дать указание следователю об изменении меры пресечения. Формально такое полномочие не указано в законе. Однако, если руководитель следственного органа уполномочен указать на необходимость избрания меры пресечения, то он также вправе указать на необходимость изменения меры пресечения, в том числе заключения под стражу. Иначе было бы нелогично. Поэтому вопрос об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу может инициировать не только следователь, но и руководитель следственного органа. Аналогично можно рассуждать по поводу инициирования данного вопроса прокурором, который вправе дать дознавателю письменное указание об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу. Уголовно-процессуальное законодательство не ограничивает прокурора в количестве и видах указаний, которые могут быть им даны дознавателю. К их числу могут быть отнесены, например, указания об изменении меры пресечения [6].

Инициировать вопрос об изменении меры пресечения дознавателем вправе начальник подразделения дознания (п. 2 ч. 3 ст. 40¹ УПК РФ), а также начальник органа дознания (п. 4 ч. 1 ст. 40² УПК РФ), которые уполномочены дать дознавателю письменные указания об изменении меры пресечения, в том числе в виде заключения под стражу.

Обвиняемый, его защитник и законный представитель также могут инициировать вопрос об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу. Например, обвиняемый вправе завить следователю ходатайство (п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), аналогичное право имеется у защитника (п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), у законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого (п. 5 ч. 2 ст. 426 УПК РФ). Следователь обязан рассмотреть

и разрешить данное ходатайство непосредственно после его заявления. Если немедленное принятие решения по ходатайству невозможно, оно должно быть разрешено не позднее 3 суток со дня его заявления. Однако имеется особенность, которая заключается в том, что если следователь или дознаватель вынесет постановлением об удовлетворении ходатайства об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу, то это промежуточное, но не окончательное решение. Оно лишь констатирует то, что следователь (дознаватель) согласен с мнением лица, заявившего ходатайство. Далее следователь (дознаватель) должен еще принять решение об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу и согласовать его с руководителем следственного органа (прокурором), о чем мы указывали выше.

Таким образом, можно обозначить некоторые особенности изменения меры пресечения в виде заключения под стражу.

Список источников

1. *О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений* : постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3. Здесь и далее, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. *Об организации* прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генерального Прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544.

3. *Об усилении* прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока задержания под стражей : указание Генерального Прокурора Российской Федерации от 9 ноября 2011 г. № 392/49.

4. Харитонов А. А., Воробьев А. Г. О содержании мер пресечения: материальные и процессуальные аспекты с позиции практики военных судов // *Право в Вооруженных Силах*. 2021. № 7.

5. *Об организации* прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генерального Прокурора Российской Федерации от 19 января 2022 г. № 11.

6. Рудакова С. В. Дознаватель и его право обжалования // *Уголовное судопроизводство*. 2022. № 4.

В. М. Редкоус

Определения оперативно-розыскной деятельности в законодательных актах государств–участников СНГ (сравнительно-правовой аспект)

Совершенствование законодательства Российской Федерации в области оперативно-розыскной деятельности немыслимо без проведения сравнительно-правовых исследований в данной области в государствах — участниках СНГ.

В Российской Федерации принят Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1]. В статье 1 данного Федерального закона оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) определена как «вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств».

Закон Азербайджанской Республики от 28 октября 1999 г. № 728-IQ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2] закрепляет, что ОРД — это осуществление соответствующими государственными органами гласными и негласными методами мер, установленных настоящим Законом. ОРД осуществляется в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека, законных интересов юридических лиц, государственной тайны, а также национальной безопасности от преступных посягательств.

Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] в ст. 1 закрепляет, что ОРД — это деятельность, осуществляемая в соответствии с настоящим Законом государственными органами с соблюдением конспирации, проведением ОРМ гласно и негласно, направленная на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан РБ, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства.

Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] определяет ОРД как научно обоснованную систему гласных и негласных оперативно-розыскных,

организационных и управленческих мероприятий, проводимых в соответствии с Конституцией Республики Казахстан, настоящим Законом и иными нормативными правовыми актами Республики Казахстан органами, осуществляющими ОРД, в целях защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Закон Кыргызской Республики от 16 октября 1998 г. № 131 «Об оперативно-розыскной деятельности» [5] закрепляет, что ОРД — это вид деятельности, осуществляемой гласно или негласно уполномоченными на то данным законом государственными органами в пределах их компетенции путем проведения ОРМ в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности» [6] определяет ОРД как вид деятельности, реализуемой гласно или негласно органами, осуществляющими ОРД, в пределах своих полномочий посредством проведения ОРМ в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Закон Республики Узбекистан от 25 декабря 2012 г. № ЗРУ-344 «Об оперативно-розыскной деятельности» [7] под ОРД понимает вид деятельности, осуществляемый оперативными подразделениями государственных органов, специально уполномоченных на то настоящим законом, посредством проведения ОРМ.

Закон Украины от 18 февраля 1992 г. № 2135-ХІІ «Об оперативно-розыскной деятельности» [8] определяет ОРД как систему гласных и негласных поисковых и контрразведывательных мер, осуществляемых с применением оперативных и оперативно-технических средств.

Закон Республики Молдова от 29 марта 2012 г. № 59 «О специальной розыскной деятельности» [9] вводит понятие специальной розыскной деятельности, представляющей собой процедуру негласного и/или гласного характера, проводимую компетентными органами с использованием или без использования специальных технических средств в целях сбора информации, необходимой для предупреждения и борьбы с преступностью, обеспечения безопасности государства, общественного порядка, защиты прав и законных интересов лиц, раскрытия и расследования преступлений.

В Республике Армения также действует Закон Республики Армения от 19 ноября 2007 г. № ЗР-223 «Об оперативно-розыскной деятельности» [10].

Таким образом, мы наблюдаем определенное единство мнений законодателей государств — участников СНГ в определении ОРД. Это касается и целевого блока ОРД, и органов, уполномоченных на ее осуществление, и указания на реализацию ОРД посредством проведения ОРМ, а также на гласный и негласный характер ОРД.

Вполне рабочей является модель дефиниция ОРД, закрепленная в России в Федеральном законе об ОРД. Некоторые различия в определениях стран — участников СНГ являются несущественными, однако на ряд из них следует обратить внимание в научных целях.

Закон Республики Казахстан связывает ОРД с «научно обоснованной системой гласных и негласных оперативно-розыскных, организационных и управленческих мероприятий, осуществляемых в соответствии с Конституцией...». Научная обоснованность — важный аспект, но стоит ли его закреплять в определении ОРД? Наверное, нет. А вот упоминание Конституции Республики Казахстан как важнейшего источника правовой основы ОРД — прекрасный ход законодателя!

Закон Республики Узбекистан определил ОРД кратко, лаконично и понятно. Но и без перечисления характерных признаков.

Закон Украины смешал в определении ОРД: поисковую и контрразведывательную деятельность, применение оперативных и оперативно-технических средств. С учетом современных достижений юридических наук это видится некорректным (например, ОРД и контрразведывательная деятельность несмотря на много общего, все-таки различаются по целому ряду критериев).

Закон Республики Молдова несколько специфически вводит понятие специальной розыскной деятельности и называет ее процедурой. Не совсем точно с точки зрения понятия «процедуры», но в целом определение отвечает современным представлениям об ОРД.

Таким образом, проведение сравнительно-правовых исследований в рассматриваемой области может дать определенный нормативный и фактический материал для продолжения научных исследований в сфере правовых основ оперативно-розыскной деятельности.

Список источников

1. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1995. № 33, ст. 3349.

2. *Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики*. 1999. № 11, ст. 612.

3. *Национальный* правовой интернет-портал Республики Беларусь. 24 июля 2015 г.
4. *Ведомости* Верховного Совета Республики Казахстан. 1994. №13-14, ст. 199.
5. *Ведомости* Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1999. № 2, ст. 79.
6. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=43137 (дата обращения: 1.10.2023)
7. *Собрание* законодательства Республики Узбекистан. 2012. № 52(552). 30 декабря.
8. *Ведомости* Верховной Рады Украины. 1992. № 22, ст. 303.
9. *Официальный* монитор Республики Молдова, № 113-118, 8 июня 2012 г., ст. 373.
10. *Официальные* ведомости Республики Армения. 2007. № 59 (583), ст. 1198.

М. Н. Ситкина, Э. В. Сон

Проблемы соблюдения конституционных прав человека в оперативно-розыскной деятельности

Оперативно-розыскная деятельность является неотъемлемой частью работы органов внутренних дел. Она направлена на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, обеспечение безопасности граждан и защиту их конституционных прав и свобод.

Вместе с тем рассматриваемый вид государственной деятельности часто сам выступает объектом критики со стороны граждан, поскольку, по их мнению, отдельные положения оперативно-розыскного законодательства не соответствуют главному закону Российской Федерации и нарушают права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией России.

Так, одним из обжалуемых положений выступает ст. 9 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), регламентирующая порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав и свобод при проведении оперативно-розыскных мероприятий, ввиду того, что данная норма исключает возможность обжалования решений суда о даче разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

В соответствии с ч. 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Кроме того, ч. 1 ст. 15 главного закона Российской Федерации закрепляет прямое действие Конституции на всей территории нашего государства.

По смыслу указанных норм, любое решение, принимаемое государственным органом власти, в том числе судом, может быть обжаловано независимо от того, закреплено данное право в специальном законе или нет, поскольку конституционные положения имеют прямое действие.

Действительно, нормы оперативно-розыскного законодательства не содержат положений, определяющих возможность обжаловать решение суда о даче разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий иными заинтересованными лицам, за исключением органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Вместе с тем для решения вопроса о соответствии ст. 9 Закона об ОРД Конституции Российской Федерации необходимо установить правовую природу судопроизводства, связанного с рассмотрением материалов об ограничении конституционных прав и свобод при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Однако согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ судебное рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав и свобод при проведении оперативно-розыскных мероприятий не является ни судебным разбирательством, ни даже подготовительными действиями к судебному заседанию.

В данных правоотношениях еще нет сторон, что характерно для уголовного процесса в тех случаях, когда, например, уголовное дело возбуждено по факту и неизвестно, можно ли считать деяние преступлением, кто его совершил или совершает. В процедуре, в которой испрашивается судебное разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий, проверяемое лицо — не участник процесса и знать о нем не должен. Открытости, гласности и состязательности сторон в этом процессе быть не может, ибо в противном случае негласные по своему характеру оперативно-розыскные мероприятия стали бы просто невозможны, а сама оперативно-розыскная деятельность утратила бы смысл [1].

Анализируя более поздние правовые позиции Конституционного Суда РФ можно прийти к выводу, что рассматриваемую судебную деятельность все же необходимо относить к уголовному судопроизводству [2].

Данный вывод, в частности, исходит из следующих разъяснений: «Вопрос об ограничении конституционных прав в связи с проведением оперативно-розыскных мероприятий по проверке информации о противоправных деяниях и лицах, к ним причастных, подлежит разрешению в процедурах, обусловленных характером уголовных и уголовно-процессуальных отношений» [3].

Однако данные выводы небесспорны. Если рассматривать деятельность суда, связанную с рассмотрением материалов об ограничении конституционных прав и свобод при проведении оперативно-розыскных мероприятий, к уголовному судопроизводству, то возникает ряд правовых коллизий.

Во-первых, возникает конкуренция норм, предусматривающих порядок обращения органов, осуществляющих ОРД, в суд, поскольку данный порядок закреплен как в Закон об ОРД так и в уголовно-процессуальном законодательстве.

Во-вторых, уголовно-процессуальное законодательство России предусматривает право обжаловать принимаемые судом решения, связанные с рассмотрением материалов об ограничении конституционных прав и свобод при проведении оперативно-розыскных мероприятий участниками уголовного судопроизводства и иными лицами, интересы которых затрагиваются, что противоречит принципу конспирации оперативно-розыскной деятельности, может привести к раскрытию методов и тактики осуществления ОРД.

Кроме того, следует отметить, что результаты оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан не всегда рассекречиваются и предоставляются следователю (дознавателю) для приобщения к материалам уголовного дела. Часто такие материалы носят лишь ориентирующий характер, позволяющий определить оптимальную тактику раскрытия и расследования преступления.

Также согласно ст. 7 Закона об ОРД оперативно-розыскные мероприятия, в том числе ограничивающие конституционные права граждан, могут проводиться в целях проверки поступивших первичных сведений о преступлении. Данные сведения могут и не подтвердятся, но это не свидетельствует о том, что ОРМ были проведены необоснованно.

В получении судебного решения на проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права че-

ловека и гражданина может возникнуть необходимость и в случае безвестного исчезновения лица. Но не всегда безвестное исчезновение лица связано с криминальной составляющей.

Таким образом, мы полагаем, что оперативно-розыскная деятельность хоть, и тесно связана с уголовно-процессуальной, однако поскольку сфера действия Закона об ОРД шире и выходит за рамки уголовно-процессуальной деятельности, мы не можем относить судебное рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав и свобод при проведении оперативно-розыскных мероприятий уголовному судопроизводству и к судопроизводству в целом.

Строгая процедура, в которой испрашивается судебное разрешение на проведение оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан есть ни что иное, как реализация судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью. Суд в данном случае выступает гарантом соблюдения прав и свобод граждан, в отношении которых планируется проведение оперативно-розыскного мероприятия от их необоснованного проведения, он проверяет основания проведения такого мероприятия и выносит мотивированное постановление.

Лицо, в отношении которого планируется проведение ОРМ, участником данной судебной процедуры не является и не должно о ней знать. Открытости, гласности и состязательности сторон в этом процессе быть не может, ибо в противном случае негласные по своему характеру оперативно-розыскные мероприятия стали бы просто невозможны, а сама оперативно-розыскная деятельность утратила бы смысл.

На основании изложенного в целях устранения дискуссий об оспаривании Конституционности ст. 9 Федерального Закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» считаем необходимым дополнить данный Федеральный закон нормой «Судебный контроль». В содержании данной нормы закрепить, что судебный контроль за оперативно-розыскной деятельностью осуществляется посредством санкционирования мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина.

Список источников

1. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой : определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О // Собрание законодательства Российской Федерации, № 34, ст. 436.

2. По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И. В. Аносова : постановление Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. № 26, ст. 3858.

3. Чечетин А. Е. Конституционное право на законный суд в оперативно-розыскной деятельности // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сб. мат-лов всерос. круглого стола. СПб., 2012.

А. Б. Соколов

Ограничение конституционных прав граждан на тайну переписки и иных сообщений при осмотре мобильного телефона: проблемы правоприменения

Вопросы ограничения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности не раз становились предметом исследований ученых [1–3]. Многочисленные публикации, судебные решения, а также правовые позиции высших судебных органов России подтверждают злободневность темы, и отсутствие единого мнения относительно необходимости получения судебного решения при осмотре мобильного телефона [4–10].

В настоящее время мобильный телефон (смартфон) стал неотъемлемым элементом жизнедеятельности каждого гражданина, что обуславливает тот факт, что он является одним из наиболее распространенных предметов, обнаруживаемых, изымаемых и осматриваемых в ходе разрешения сообщения о противоправном деянии, расследования преступления, а также оперативно-розыскной деятельности.

Нередко в публикациях можно встретить примеры из правоприменительной деятельности о том, что при задержании по подозрению в совершении преступления сотрудниками органов внутренних дел у гражданина изымается мобильный телефон, осуществляется его осмотр, в том числе, его информационного содержимого, находящегося на встроенной памяти устройства, SIM-карте, SD-карте [7, с. 24–25]. Учитывая, что данные аспекты реализуются в области уголовно-процессуальных отношений, основными нормативными правовыми актами, предусматривающими соответствующие процедуры, выступают Уголовно-процессуальный

кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) и Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД). УПК РФ в ст. ст. 144, 164, 176, 177 закрепляет такой способ получения доказательств, как осмотр (в том числе предметов), общие правила и порядок производства указанного следственного действия, возможность его проведения до возбуждения уголовного дела. Однако, Закон об ОРД не содержит самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия, обеспечивающего возможность осмотра предмета, в том числе мобильного телефона, что, по нашему мнению, может стать самостоятельным предметом соответствующего исследования и законодательной инициативы.

Анализ указанных положений УПК РФ не дает однозначного ответа на вопрос относительно необходимости получения судебного решения для осмотра мобильного телефона.

Мнения ученых, а также позиций высших судебных органов Российской Федерации можно разделить две группы. Первая группа исследователей считают, что информация, хранящаяся в мобильном телефоне, может быть получена только при добровольном согласии владельца электронного устройства либо на основании судебного решения [2–10]. Вторая группа исследователей признает возможным осмотр информации на электронном носителе мобильного телефона при отсутствии согласия владельца электронного устройства и без судебного разрешения [6]. Последние, аргументируя свое мнение, обращаются к позиции Конституционного Суда Российской Федерации, представленной в определении от 25 января 2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», общая идея которого состоит в том, что проведение осмотра в целях получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения.

К числу конституционных принципов уголовного судопроизводства относится тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений к которым, по нашему мнению, можно отнести и SMS-, MMS-сообщения, переписку в мессенджерах, аккаунтах почтовых сервисов, ограничение которых возможно только на основании судебного решения (ст. 13 УПК РФ). Запрет на

вмешательство в личную и семейную жизнь человека, на ознакомление с его корреспонденцией установлен в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека. Полагаем, не требуется дополнительного судебного решения на осмотр мобильного телефона, когда указанное устройство обнаружено и изъято при производстве следственных действий на основании судебного решения либо в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

Но как следует поступить в ситуации, когда мобильный телефон попадает к следователю не в указанном порядке, а, например, при предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности? Вероятно, в данном случае, несмотря на отсутствие прямого указания в главе 24 УПК РФ на обязательность получения судебного решения для осмотра мобильного телефона, эта необходимость вытекает из других норм уголовно-процессуального закона и положений Конституции Российской Федерации, а также Всеобщей декларации прав человека, подлежащих безусловному применению в Российской Федерации. Взаимосвязанные положения ст. ст. 7, 13, 75, чч. 2, 3, 5 ст. 177 УПК РФ в их конституционно-правовом истолковании и в нормативном единстве со ст. 13 Конституции России, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека не предполагают возможности ограничения конституционных прав на тайну переписки и иных сообщений, в том числе при осмотре мобильного телефона, без принятия об этом судебного решения, за исключением ситуации, описанной в определении Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О.

Список источников

1. *Давыдов С. И.* Проблемы соблюдения конституционных прав граждан при разрешении типичных оперативно-розыскных ситуаций // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : мат-лы всерос. круглого стола 3 ноября 2011 г. СПб., 2012.

2. *Бычков В. В.* Соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при проверке сообщений о преступлениях и в ходе их расследования // Российский следователь. 2013. № 24.

3. *Чечетин А. Е.* Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1(49).

4. *О практике* рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных

прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда от 1 июня 2017 г. № 19. Здесь и далее, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

5. *Багмет А. М., Скобелин С. Ю.* Пределы ограничения конституционных прав граждан в ходе осмотра сотовых телефонов участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 6.

6. *Гаас Н. Н.* Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4.

7. *Когосов А. П.* Отдельные проблемы обеспечения конституционных прав при осмотре сотового телефона // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019.

8. *Михайлова Л. В., Карпенко Н. А.* Типичные заблуждения относительно возможности извлечения информации из памяти мобильного устройства без судебного решения // Общество и право. 2019. № 4.

9. *Грачев С. А.* Конституционные права личности при осмотре мобильного устройства: коллизия толкований в правовых позициях высших судебных инстанций России требует законодательного разрешения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3(94).

10. *Даниленко И. А., Васильев Н. В.* Соблюдение конституционных прав личности на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений при осмотре мобильного устройства (российский и зарубежный опыт) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 10(74).

С. В. Супрун

Ограничение конституционных прав граждан органом дознания при проведении ОРМ на основании поручения следователя, дознавателя

В соответствии с ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам дознания относятся:

1) органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности;

2) органы принудительного исполнения Российской Федерации;

3) начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов;

4) органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы.

В части 2 ст. 40 УПК РФ органам дознания законодателем предоставляются уголовно-процессуальные полномочия:

1) проводить дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно в порядке, установленном главой 32 УПК РФ;

2) выполнять неотложные следственные действия по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, — в порядке, установленном статьей 157 УПК РФ;

3) осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

Иными полномочиями органов дознания являются полномочия по проведению предварительной проверки сообщения о совершенном преступлении, выполнению поручения следователя (дознателя) органом дознания о производстве следственных и иных процессуальных действий, оказанию содействия в проведении отдельных следственных действий, в том числе ограничивающих конституционные права граждан.

Требования, поручения, запросы следователя, дознавателя, предъявляемые в пределах их полномочий, обязательны для исполнения органами дознания (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), а не государственными органами исполнительной власти, наделенными полномочиями осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Перечень органов исполнительной власти, наделенных полномочиями осуществления оперативно-розыскной деятельности изложен в части 1 ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД). Согласно ч. 1 ст. 13 полномочиями на проведение ОРД наделены оперативные подразделения:

1. Органов внутренних дел Российской Федерации.
2. Органов федеральной службы безопасности.
3. Федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны.
4. Таможенных органов Российской Федерации.
5. Службы внешней разведки Российской Федерации.
6. Федеральной службы исполнения наказаний.

Среди органов, осуществляющих ОРД, перечисленных в ч. 1 ст. 13 Закона об ОРД, законодатель не называет органы дознания. Эта правовая позиция законодателя объяснима. Органы дознания являются субъектами уголовно-процессуальной деятельности, которая относится к самостоятельному виду государственной деятельности. Совмещение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности российским законодательством не допускается, поэтому органы дознания как субъекты уголовно-процессуальной деятельности *не включены* в число субъектов оперативно-розыскной деятельности.

Поскольку органы дознания не являются субъектами ОРД, то они не вправе проводить ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан. В связи с этим начальник органа дознания органов внутренних дел (далее — ОВД) вправе на законном основании отказать дознавателю в выполнении поручения о проведении ОРМ, если оно поступает, например, от государственного органа исполнительной власти, не наделенного полномочиями осуществления ОРД. К таким государственным органам исполнительной власти относятся (ч. 1 ст. 40 УПК РФ):

- 1) органы принудительного исполнения Российской Федерации;
- 2) начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов;
- 3) органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы.

На практике поручения о проведении ОРМ, поступающие из иных органов исполнительной власти, наделенных полномочиями органов дознания, принимаются и проводятся ОВД как органом дознания. Отказов в проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, оперативными подразделениями ОВД в правоприменительной практике не допускается.

С позиции принципа законности, обязывающего органы дознания осуществлять свою деятельность в строгом соответствии с требованиями УПК РФ и другими федеральными законами, содержащими нормы права, регулируемыми уголовно-процессуальной деятельностью, сложившаяся в ОВД практика выполнения поручений дознавателя о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, представляется спорной. Орган дознания ОВД не является надлежащим субъектом ОРД. Он вправе отказать дознавателю другого ведомства в выполнении его поручения о проведении ОРМ по мотиву, например, большой загруженности оперативных подразделений ОВД.

В случае отказа территориальные органы дознания принудительного исполнения, государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы на межведомственном уровне вправе заключить соглашение с государственным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, наделенным полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Соглашения о проведении ОРМ могут быть заключены на региональном уровне отдельно каждым территориальным органом дознания с УМВД России по субъекту Российской Федерации, имеющим оперативные подразделения.

При отказе УМВД России по субъекту Российской Федерации заключить соглашение об оказании оперативно-розыскной помощи органам дознания, этот вопрос может быть включена в повестку Координационного совещания прокуратуры по субъекту Российской Федерации. Решение об оказании либо об отказе в оперативно-розыскной помощи государственным органам исполнительной власти, наделенным полномочиями органов дознания и не включенным в перечень субъектов ОРД, может быть принято коллегиально на координационном совещании.

Правоприменительную практику выполнения поручений о проведении ОРМ ОВД как субъектом оперативно-розыскной деятельности, на наш взгляд, следует признать целесообразной и закрепить в УПК РФ. Для этого предлагаем дополнить его нормой права, предоставляющей полномочие органу предварительного расследования давать поручение органу, осуществляющему ОРД, проводить ОРМ, в том числе ограничивающие конституционные права граждан.

П. М. Титов

Судебный контроль за оперативно-розыскной деятельностью

На рубеже 90-х гг. XX в. законодатель серьезно подошел к решению вопроса, который касался обеспечения верховенства закона, в том числе сближения российской правовой системы с международной. Такой шаг предполагал создание института, а именно судебного контроля. Тогда попыткой предпринять какое-либо действие стала судебная реформа, касающаяся установления судебного контроля за применением мер процессуального принуждения, чтобы в случае их неправомерности можно было обжаловать действия должностных лиц. Не стала исключением

и оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД). Целью законодателя было установление судебного контроля за действиями лиц, которые наделены полномочиями осуществлять ОРД, чтобы была также возможность обжаловать в судебном порядке противозаконные действия в случае нарушения прав.

Роль судебного контроля, бесспорно, важна. Но вопрос о его пределах до сих пор актуален и подлежит дискуссии. При этом единого мнения не сложилось. Одни ученые считают, что судебный контроль стоит рассматривать как самостоятельный вид судебной деятельности. Другие полагают, что судебный контроль — это форма осуществления правосудия.

В Федеральном законе № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) указано, что судебный контроль представляет собой деятельность судей соответственного уровня. Исходя из уровня судей будет осуществляться проверка соответствия Закону об ОРД, направленная на рассмотрение действий оперативно-розыскных органов, принимающих те или иные решения. Будет определяться законность и обоснованность принятого решения, и то, насколько осуществлена защита прав и интересов гражданина.

Оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ), затрагивающие конституционные права граждан могут проводиться только на основании судебного решения [1]. Встречается ряд проблем при использовании негласных, а также конспиративных методов [2].

Анализ нормативно-правовых актов показывает, что только в ст. 20 Закона об ОРД есть упоминание об осуществлении судебного контроля за ОРД. Даже представлен перечень субъектов, которые могут его осуществлять.

Главная задача, которая возложена на судебную власть — это защита прав и законных интересов человека, общества, государства, юридических лиц, независимо от их организационно-правовых форм.

Права, которые непосредственно должен защищать судебный контроль в ОРД, — это конституционные, находящие отражение как в Конституции РФ, так и в Законе об ОРД. Так, выделяется специальная норма, ст. 9 Закона об ОРД, в которой установлены основания и порядок, предусматривающий, какие материалы можно рассматривать в суде. Однако у судей остаются вопросы по поводу регламентации, и поэтому данную задачу им приходится решать уже в ходе процесса.

Так, ОРМ можно провести без судебного решения, но оно будет недействительным и, как правило, будет недопустимым доказатель-

ством. При этом существует мнение, что данная процедура — формальная, т. е. суд без какой-либо проверки дает разрешение на проведение ОРМ.

При принятии того или иного решения судья может истребовать необходимые материалы. И судьи должны быть осведомлены, каким образом осуществлялась деятельность правоохранительных органов, как были обнаружены доказательства и затрагиваются ли права и свободы граждан. Без знания ведомственных нормативных правовых актов судьи также не смогут принять решение.

Необходимо устранить пробел в федеральном законе, указать документы, которые надо представить в суд и соответствующий порядок подачи ходатайства. Мы рекомендуем указать критерии для судей: чем им руководствоваться при оценке.

Если мы обратимся к общему правилу, то ходатайство, подаваемое органами осуществляющие ОРД, будет рассматриваться судьей единолично. Это касается ходатайств, ограничивающих конституционные права граждан при проведении ОРМ. И порядок этой процедуры не является противоречащим основному закону — Конституции РФ.

Еще один аспект, который оставлен без внимания, — это реализация полномочий по инициативе заинтересованных лиц, т. е. от тех органов, от кого поступило ходатайство. И если нарушение будет выявлено таким лицом (что неверно), то самостоятельно данный вопрос он не сможет урегулировать.

Таким образом, предлагаем устранить пробел в законодательстве относительно процедуры, где можно было бы пересмотреть и обжаловать судебные постановления. Считаем целесообразным также внести изменения и добавить таких судей, которые смогли бы заниматься исключительно функцией судебного контроля в ОРД.

Список источников

1. *Стельмах В. Ю., Титов П. М.* Результаты оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве. М., 2020.

2. *Титов П. М.* Оперативно-розыскные мероприятия, осуществляемые при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23-1.

Н. Ю. Туркина

Проведение оперативно-розыскных мероприятий при введении режима военного положения

Неонацистский режим стал новой угрозой нашего времени. Политика иностранных государств и нарастающая угроза агрессии с их стороны в адрес Российской Федерации привели к введению режима военного положения в четырех субъектах российского государства (Донецкая и Луганская народные республики, Запорожская и Херсонская области) [1]. В связи с этим число преступлений, особенно террористического характера, увеличилось, и перед органами внутренних дел возросла ответственность за выполнение задач, возложенных на них по защите от угроз, возникающих в период действия военного положения. Определенно, указанный фактор влияет и на специфику осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Меры, вводимые действием режима военного положения, заслуживают отдельного внимания, так как осуществление оперативно-розыскных мероприятий в данном случае выступает в качестве оперативного сопровождения указанного особого правового режима. С момента принятия Федерального конституционного закона «О военном положении» [2], он ни разу не приводился в действие, поэтому проблема оперативно-розыскного обеспечения в таких условиях выходит на передний план, так как исключительный случай введения такого особого правового режима влияет и на эффективность выполняемых органами внутренних дел задач, особенно на территориях, которые ранее подчинялись законодательству другого государства. Наша цель — выделить особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в условиях военного положения.

Деятельность органов внутренних дел в условиях военного положения многоаспектна, но одной из ведущих задач будет оперативно-розыскное обеспечение, так как именно с помощью сил и средств оперативно-розыскных подразделений принимаются оптимальные и своевременные решения [3].

Задачи оперативно-розыскной деятельности указаны в федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [4]. Их анализ помогает предположить, что добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации становится основной задачей при проведении оперативно-

розыскных и иных мероприятий подразделениями уголовного розыска в условиях военного положения.

Одной из ключевых особенностей будет то, что при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий в период действия военного положения оперативные подразделения активно взаимодействуют с органами публичной власти и военными подразделениями, которым отводится ведущая роль в период действия особого правового режима.

Важную роль будет играть оперативная профилактика преступлений и взаимодействие с лицами, оказывающими негласное содействие подразделениям уголовного розыска. Своевременное получение информации о готовящихся нарушениях влечет и своевременную профилактику, так как нередко на территориях, в которых действует режим военного положения, находятся лица, оказывающие содействие государству, со стороны которого и исходит агрессия [5]. Но не стоит забывать про криминальную среду. Лица, находящиеся в ней только и ждут удобного случая, чтобы совершить преступление, а режим военного положения может им помочь, когда внимание оперативных подразделений направлено на абсолютно другие условия.

Таким образом, комплексное использование сил и средств оперативных подразделения для получения информации об угрозах, число которых в период боевой обстановки увеличивается [6], гораздо быстрее будет способствовать достижению цели режима военного положения.

Список источников

1. *О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей* : указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756.

2. *О военном положении* : федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ.

3. *Баженов С. В.* Проведение оперативно-розыскных мероприятий при чрезвычайных обстоятельствах террористического характера // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 1(6).

4. *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.

5. *Засыпкин М. А.* Обеспечение национальной безопасности оперативными подразделениями государственных органов // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

6. Кошелев Е. В. Конституционные гарантии прав и свобод личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

Д. Л. Харевич

Развитие личных прав человека в связи с компьютеризацией

Согласно поправкам, внесенным в ст. 26 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон РБ об ОРД) изменен порядок правовой регламентации проведения оперативного осмотра. В частности, расширен перечень объектов, в отношении которых может проводиться отмеченное оперативно-розыскное мероприятие (далее — ОРМ). Ранее указанные в Законе РБ об ОРД объекты данного ОРМ (жилище и иное законное владение гражданина, помещение, здание, сооружение, транспортное средство, иной объект и территория организации) были дополнены такими объектами, как информационная система, информационный ресурс, предметы и документы, компьютерная информация (Закон Республики Беларусь от 6 января 2021 Г. № 88-З). Данное изменение назрело давно, об этом неоднократно говорилось в научной литературе [1, с. 91–92; 2, с. 6–7].

Одним из аргументов в пользу его принятия выступили результаты дискуссии о порядке проведения осмотра сотового телефона гражданина, находящегося в помещении ОВД, без его ведома, но с согласия собственника данного помещения [3]. Некоторыми правоприменителями наличие такого согласия толковалось как обстоятельство, исключавшее необходимость получения санкции прокурора или его заместителя на осмотр любых находящихся в нем объектов. При этом создавалась правовая коллизия, поскольку для предоставления сведений, аналогичных результатам указанного осмотра, путем проведения ОРМ «наведение справок» требовалась санкция прокурора или его заместителя. Таким образом, присутствовало достаточно спорное толкование требований Конституции и иных законодательных актов, которое можно рассматривать в том числе в контексте законности правоприменительного усмотрения [4, с. 164].

Отмеченные новации не решили всех проблем указанного ОРМ, в Законе РБ об ОРД остаются неразрешенными такие фундаментальные

отраслевые аспекты, выходящие за пределы правовой регламентации проведения оперативного осмотра, как порядок проведения гласного ОРМ при отсутствии согласия владельца [5; 6, с. 210–216], принудительное гласное изъятие предметов и документов [7, с. 63]; использования согласия как обстоятельства, исключающего вторжение в охраняемое Конституцией право в некоторых ситуациях [8, с. 29] и др.

Это заставляет взглянуть на проблему более широко, переосмыслить некоторые системные закономерности, связанные с правом человека на неприкосновенность частной жизни в аспекте тайн, ассоциированных с сотовыми телефонами и иными персональными компьютерными системами.

Согласно ст. 28 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании. В статье 29 гарантируется неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан; установлено, что никто не имеет права без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли.

В соответствии со ст. 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В статье 24 провозглашено, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются, а в ст. 25 постулируется неприкосновенность жилища; никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

Эти перечисленные в конституциях обеих стран достаточно близкие формулировки относятся к личным правам в сфере частной жизни. Их составляют следующие элементы (правомочия):

- право на уединение, невмешательство в частную жизнь;
- на свободу общения, выбора его круга;
- на личную и семейную тайну, в том числе о состоянии здоровья, взглядах и убеждениях, отношениях в семье либо с другими людьми, имущественном положении, тайну дневников и личных бумаг, исповеди, адвокатскую тайну;

- на тайну переписки (корреспонденции), телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений — на честь и достоинство, защиту своей чести и доброго имени, на воспрепятствование разглашению сведений личного, интимного характера;
- право контролировать информацию о себе;
- запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия;
- защита персональных данных [9; 10, с. 51–52].

Перечисленные правомочия дополняются правом на неприкосновенность жилища (и иных законных владений граждан). Данное право ученые рассматривают как гарантию права человека на частную жизнь. Понятие жилища трактуется широко, к нему могут относиться и помещение, не предназначенное для проживания, если в нем сосредоточены определенные стороны частной жизни человека. С понятием жилища близко соотносится категория «иное законное владение». Это позволяет говорить о том, что понятие жилища (и иного законного владения) является центром сосредоточения частной жизни и неразрывно связано с его способностью обеспечивать сохранение ее тайны [9, с. 160; 11, с. 105; 12, с. 549; 13, с. 179; 14, с. 119].

Одной из характерных тенденций развития современного общества является все более важная роль, которую играют компьютерные системы в жизни человека. Они выполняют функцию средства передачи личной информации, доступа к общению в виртуальной среде, став альтернативой традиционным социальным контактам, непосредственно связанной с частной жизнью.

В сотовом телефоне и иной персональной компьютерной системе хранится существенный объем информации, охраняемой правом на неприкосновенность частной жизни: сведения об оказании услуг электро-связи, содержание телекоммуникационных сообщений и переписки, записи голосовой почты и аудиофайлы; персональные данные, сохраненные в контактах и файлах; частные изображения и видеозаписи; сведения о местонахождении лица в различное время; личные записи и дневники; данные о покупках; сведения систем дистанционного банковского обслуживания, составляющие банковскую тайну.

Из отмеченного следует, что персональная компьютерная система выступает объектом концентрации, хранения широкого круга информации о частной жизни, выполняет ту же роль, которую играет жилище как гарантия права на частную жизнь в рамках ее исторически сложившихся форм. Однако в отличие от жилища в отношении персональной компьютерной системы не обеспечена такая же степень правовой охраны.

В связи с этим высказываем гипотезу о возможности ассоциирования персональной компьютерной системы с комплексом некоторых правомочий в сфере охраны частной жизни. Следует придать соответствующим нормам характер относительно обособленного права на неприкосновенность, являющегося производным от права на неприкосновенность частной жизни.

Таким образом, по аналогии с понятием жилища как материального объекта, ассоциированного с личными правами в сфере частной жизни, возможно выделение категории персональной компьютерной системы, связанной с обособленным блоком правомочий, выражающих современные особенности образа жизни человека, объединенных производным правом на неприкосновенность указанной системы.

Полагаем, что подобное предложение дает достаточно понятный ориентир, повышает доступность восприятия правовых норм, что не исключает необходимости последующего толкования, наполнения предлагаемого понятия новым содержанием по мере развития общественных отношений.

Список источников

1. *Чечетин А. Е.* Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий : монография. М., 2006.
2. *Гусев В. А.* Оперативно-розыскная деятельность: вторжение в частную жизнь // Оперативно-розыскное право. 2020. № 1.
3. *Харевич Д. Л.* Законодательная регламентация оперативного осмотра средств компьютерной техники // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2019.
4. *Десятов М. С.* Правоприменение в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории. М., 2021.
5. *Чечетин А. Е.* Современная оперативно-розыскная деятельность и принуждение // Оперативник (сыщик). 2015. № 1.
6. *Гусев В. А., Луговик В. Ф.* Теория оперативно-розыскных процедур : монография. М., 2019.
7. *Гайдельцов В. С.* Оперативно-розыскное право: проблемы формирования новой отрасли законодательства Республики Беларусь. Минск, 2016.
8. *Гусев В. А.* Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории и практики. Хабаровск, 2011.
9. *Василевич Г. А.* Конституционное право Республики Беларусь : учебник. Минск, 2016.

10. *Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»* / под ред. А. Е. Чечетина. Барнаул, 2022.

11. *Калабаев О. У.* Проблемы охраны тайны частной жизни в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005.

12. *Пляхимович И. И.* Комментарий к Конституции Республики Беларусь. Т. 1. Минск, 2015.

13. *Шкаплеров Ю. П.* О понятии «иное законное владение» в уголовном процессе Республики Беларусь // *Право.by*. 2008. № 1.

14. *Серёда Р. А.* Тайна личной жизни: вопросы обеспечения в деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь // *Права человека, миграция и безопасность: международные стандарты и конституционные принципы* : сб. науч. ст. Минск, 2020.

А. В. Честнов

Получение информации о результатах оперативно-розыскной деятельности

Согласно ч. 2 ст. 24 Конституции РФ, органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить человеку возможности ознакомиться с документами и материалами, которые затрагивают его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Право на ознакомление с результатами оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) возникает у лица, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном порядке, без вступившего в законную силу обвинительного приговора суда.

Обращаясь к определению Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О, обратим внимание на положение, которое разъясняет условия истребования гражданами собранных в отношении них оперативно-розыскных сведений. В определении Конституционного Суда сказано, что при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела оперативно-розыскные мероприятия подлежат прекращению, что позволяет проверяемому лицу истребовать сведения о полученной о нем информации, а в случае отказа — обжаловать его в суд. В связи с этим граждане имеют право истребовать от органа, который осуществляет ОРД, сведения о полученной о них информации.

Однако важным аспектом, является то, что в Федеральном законе от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»

нет предписания о процедуре ознакомления гражданина с оперативно-служебными материалами. Отсутствие данного положения в основном законе, регулирующем оперативно-розыскную деятельность, усложняет данный процесс. В связи со спецификой собранного о лице материала, возникает неопределенность в возможности реализации конституционного права каждого. Определяется и степень секретности материалов, которая предоставляется лицу в соответствии со строго установленными правилами ведения делопроизводства. Учитываются также условия полученного запроса.

В соответствии с заявлением гражданина о предоставлении сведений об информации о нем, которое направляется в орган, проводивший оперативно-розыскные мероприятия, либо в вышестоящее подразделение, возникает обязанность предоставить информацию в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны. При этом возникают определенные границы. Подобные условия указывают на возможность лишь частично предоставить необходимую информацию [1]. Получается, у гражданина отсутствует право на истребование собранной о нем информации, если оперативно-розыскные мероприятия осуществлялись с соблюдением требований Конституции и в рамках закона [2].

В связи с этим, возникает вопрос о полноте реализации конституционного права, закрепленного в ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации в силу того, что существует ряд трудностей со сведениями, имеющими государственную тайну, которая недоступна для гражданского населения. Сложность заключается в том, что собранный материал может состоять как из гласных, так и негласных оперативно-розыскных мероприятий. Получение информации о результатах ОРД — это сложный и многоэтапный процесс, в ходе которого предоставление полного объема сведений часто невозможно. При этом речь не идет об ограничении прав граждан, данная процедура затрагивает интересы личности и законность деятельности оперативных подразделений.

Еще одной проблемой является присвоение материалам проверки грифа секретности в целях исключения представления информации о результатах ОРД. Так, гражданин Е. Горовенко подал жалобу в Кировский районный суд г. Астрахани на бездействие должностных лиц, заключавшееся в непредоставлении ему материалов проверки для последующего ознакомления. Конституционный Суд отметил, что сохранность государственной должна быть обеспечена путем использования предусмотренных законом механизмов, включая предупреждение о неразглашении

государственной тайны, предупреждение о привлечении к уголовной ответственности в случае разглашения, а также хранение копий и выписок из процессуальных документов вместе с материалами проверки сообщения о преступлении.

Строгое соблюдение норм права в данной области, способно обеспечить баланс между потребностями гражданина, желающего получить информацию о результатах ОРД, и обязанностью должностных лиц по обеспечению конституционных прав граждан.

Список источников

1. *Честнов А. В.* Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

2. *Бучакова М. А.* Обеспечение права на неприкосновенность частной жизни в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности (по материалам решений Европейского суда по правам человека) // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

П. Р. Шарифзода

Конституционно-правовые основы осуществления оперативно-розыскной деятельности в Республике Таджикистан

Совершенствование общественных отношений в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [1; 2] должно осуществляться неразрывно с развитием государственного управления во всех сферах жизнедеятельности [3; 4], обеспечивая охрану и защиту складывающихся в них общественных отношений. Весомый вклад в решение данной задачи вносят органы внутренних дел (далее — ОВД), наделенные соответствующими полномочиями, в том числе и по осуществлению оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) [5; 6].

Конституционно-правовые основы осуществления оперативно-розыскной деятельности в Республике Таджикистан базируются прежде всего на нормах Конституции Республики Таджикистан [7] и Закона Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности» [8] (далее — Закон РТ об ОРД).

В основе осуществления ОРД органами внутренних дел лежат конституционные нормы. В статье 1 Конституции РТ закреплено, что Республика Таджикистан — суверенное, демократическое, правовое, светское и унитарное государство. Статья 5 Конституции РТ устанавливает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством». В статье 10 Конституции РТ говорится, что она обладает высшей юридической силой, ее нормы имеют прямое действие. Законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции, не имеют юридической силы. Государство и все его органы, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать и исполнять Конституцию РТ и законы республики. Статья 14 Конституции РТ закрепляет, что права и свободы человека и гражданина регулируются и охраняются Конституцией, законами республики, признанными Таджикистаном международно-правовыми актами. Права и свободы человека и гражданина осуществляются непосредственно. Они определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной и местной властей, органов местного самоуправления и обеспечиваются судебной властью. Ограничения прав и свобод граждан допускаются только в целях обеспечения прав и свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики. Эти и другие конституционные положения создают основу для правового режима осуществления ОРД в Республике Таджикистан [9].

Закон РТ об ОРД закрепляет, что ОРД — это вид деятельности, осуществляемой гласно или негласно органами, производимой оперативно-розыскную деятельность, в пределах своих полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Задачи оперативно-розыскной деятельности: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, а также розыск лиц, без вести пропавших; получение информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу правам и свободам

человека и гражданина, общественной, государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности РТ; установление наименования и местонахождения имущества, подлежащего конфискации судом; обеспечение безопасности информационных систем.

Оперативно-розыскная деятельность основывается на принципах законности, гуманизма, равенства перед законом, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств.

Конституционные положения помогли сформировать систему гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД, которая получила оформление в ст. 5 Закона РТ об ОРД. Устанавливается, что ОРД осуществляется только для достижения целей и решения задач, определенных Законом РТ об ОРД. При проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) орган, осуществляющий ОРД, обеспечивает соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность личной жизни, личной и семейной тайны, неприкосновенность жилища, на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных личных сообщений. Лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих ОРД, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД, прокурору или в суд (судье).

Лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, т. е. в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления или в связи с отсутствием в деянии состава преступления, и которое располагает фактами проведения в отношении него ОРМ и полагает, что в этих случаях были нарушены его права, вправе истребовать от органа, осуществляющего ОРД, сведения о полученной о нем информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственных секретов. Если будет отказано в предоставлении запрошенных сведений или если указанное лицо полагает, что сведения получены не в полном объеме, оно вправе обжаловать это в установленном законом порядке в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД, прокурору, в суд (судье). В процессе рассмотрения жалобы в суде обязанность доказывать обоснованность отказа в предоставлении этому лицу сведений, в том числе в полном объеме, возлагается на соответствующий орган, осуществляющий ОРД.

В целях обеспечения полноты и всесторонности рассмотрения жалоб по требованию уполномоченного прокурора или уполномоченного на то судьи орган, осуществляющий ОРД, обязан предоставить оперативно-служебные документы, содержащие информацию о сведениях, в предоставлении которых было отказано заявителю, за исключением сведений о лицах, внедренных в преступную среду, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе.

В случае признания необоснованным решения органа, осуществляющего ОРД, об отказе в предоставлении необходимых сведений заявителю прокурор или судья могут обязать указанный орган предоставить заявителю сведения, предусмотренные ч. 3 ст. 5 Закона РТ об ОРД.

Полученные в результате проведения ОРМ материалы в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, хранятся в течение шести месяцев после принятия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела либо прекращения уголовного дела, а затем уничтожаются, если служебные интересы или правосудие не требуют иного порядка. Фонограммы и другие материалы, полученные в результате прослушивания телефонных разговоров и иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются в течение шести месяцев с момента прекращения прослушивания, о чем составляется соответствующий протокол. Соответствующий суд (судья) уведомляется за три месяца до дня уничтожения материалов, отражающих результаты ОРМ, проведенных на основании его решения.

Органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, запрещается: проводить ОРМ в интересах какой-либо политической партии, общественных объединений, в том числе религиозных; принимать негласное участие в работе органов государственной власти и самоуправления поселков и сел, а также в деятельности зарегистрированных в установленном порядке и незапрещенных политических партий, общественных объединений, в том числе религиозных, в целях оказания влияния на их деятельность; разглашать сведения, которые затрагивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и иные интересы граждан и стали известны в процессе проведения ОРМ, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РТ; подстрекать, склонять или побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация); фальсифицировать результаты ОРД.

При нарушении органом (должностным лицом), осуществляющим ОРД, прав и законных интересов физических и юридических лиц, вышестоящий орган (должностное лицо), осуществляющий ОРД, прокурор либо суд (судья) в соответствии с законодательством РТ обязаны принять меры по восстановлению этих прав и законных интересов и (или) возмещению причиненного вреда. Нарушение требований Закона РТ об ОРД сотрудниками органов, осуществляющих ОРД, при осуществлении ОРД влечет установленную законодательством РТ ответственность.

Если лицо или орган, осуществляющий ОРД, не согласен с решением прокурора, суда (судьи), в том числе по обстоятельствам, предусмотренным в ст. ст. 8 и 9 Закона РТ об ОРД, они вправе обжаловать решение прокурора, суда (судьи) вышестоящему прокурору или в вышестоящий суд.

Таким образом, нормы Конституции РТ оказывают непосредственное регулирующее воздействие на осуществление ОРД в РТ, и позволяют сформировать на своей основе законодательство об ОРД, соответствующее мировым стандартам осуществления данной деятельности [10].

Список источников

1. *Редкоус В. М.* Основные направления административно-правовых исследований в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности (по материалам расширенного заседания коллегии МВД России 20 марта 2023 г.) // Актуальные вопросы применения норм административного права (Кореневские чтения) : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. М., 2023.

2. *Правовое* обеспечение национальной безопасности. Тридцать лет законодательству о безопасности Российской Федерации : обзор всерос. науч.-практ. конф. / А. М. Воронов, И. Б. Кардашова, А. Ю. Винокуров [и др.] // Современное право. 2022. № 10.

3. *Административно-правовые* отношения в отраслях экономики / М. Н. Кобзарь-Фролова, С. А. Агамагомедова, Н. Г. Андрианова [и др.]. Воронеж, 2023.

4. *Правовое* регулирование публичных финансовых отношений в современной России / М. Н. Кобзарь-Фролова, С. В. Запольский, Е. Л. Васянина [и др.]. М., 2022.

5. *Галузо В. Н.* Доказывание в правосудии Российской Федерации / В. Н. Галузо, Н. А. Канафин, В. М. Редкоус. М., 2022.

6. *Проблемы* теории государства и права / О. В. Белянская, Н. С. Ельцов, А. В. Кочетков [и др.] : в 2 ч. Часть 2. Тамбов, 2014.

7. *Конституции* Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2213 (дата обращения: 01.10.2023).

8. *Закон* Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности». URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=16370 (дата обращения: 01.10.2023).

9. *Редкоус В. М.* Понятие административно-правовых режимов, устанавливаемых в области обеспечения национальной безопасности // *Право и государство: теория и практика*. 2009. № 12(60).

10. *Civil Society of modern Russia: Problems of implementation of constitutional rights and freedoms / A. M. Voronov, M. N. Kobzar-Frolova, V. M. Redkous, A. M. Gogolev // International Journal of Economics and Business Administration*. 2019. Vol. 7, No. S1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баталов Данила Евгеньевич — преподаватель кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Борков Виктор Николаевич — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России.

Бучакова Марина Александровна — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Гусев Владимир Александрович — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника Омской академии МВД России (по научной работе).

Грязнова Татьяна Евгеньевна — доктор юридических наук, доцент, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Давыдов Сергей Иванович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Десятов Михаил Сергеевич — доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе).

Дизер Ольга Александровна — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Еркеев Ильшат Хамитович — старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД РФ.

Засыпкин Михаил Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Каримова Дилрабо Эргашевна — доктор философии по юридическим наукам (PhD), исполняющий обязанности профессора кафедры Следственной деятельности Академии МВД Республики Узбекистан (г. Ташкент).

Каунов Александр Владимирович — преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (г. Москва).

Колобашкин Александр Владимирович — старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Кошелев Евгений Викторович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Луговик Виктор Федорович — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Мурашов Дмитрий Юрьевич — преподаватель кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Новодон Владимир Вадимович — адъюнкт кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России (г. Москва).

Пинчук Антон Павлович — преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Пчоловский Николай Казимирович — заместитель начальника кафедры ОРД в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России.

Пилюшин Игорь Павлович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Редкоус Владимир Михайлович — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, профессор кафедры № 4 Академии управления МВД России (г. Москва).

Ситкина Мария Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной и административной деятельности Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Хабаровск).

Сон Эдуард Вадимович — преподаватель кафедры оперативно-розыскной и административной деятельности Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск).

Соколов Андрей Борисович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Омской академии МВД России.

Супрун Сергей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Титов Павел Михайлович — старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург).

Туркина Наталия Юрьевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Харевич Дмитрий Людвинович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь

Честнов Александр Владимирович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России (г. Минск).

Шарифзода Парвини Рахмулло — кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела адъюнктуры Академии МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе).

СОДЕРЖАНИЕ

Баталов Д. Е. Международно-правовые основы противодействия преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних	3
Борков В. Н. Оперативно-розыскные властотношения	5
Бучакова М. А. Применение норм международного права в оперативно-розыскной деятельности	8
Грязнова Т. Е. Конституционные основы деятельности полиции в интерпретации Н. М. Коркунова	11
Гусев В. А. Конституционные грани оперативно-розыскных правоотношений государства и человека	13
Давыдов С. И. Решения Конституционного Суда РФ в частных оперативно-розыскных методиках раскрытия преступлений	16
Десятов М. С. Адвокат как конституционный гарант прозрачности оперативно-розыскного процесса	20
Дизер О. А. Законодательные ошибки правового регулирования оперативно-розыскных мероприятий и способы их преодоления ...	23
Еркеев И. Х. К особенностям предмета допроса сотрудников правоохранительных органов, участвовавших в документировании преступных действий, в качестве свидетелей при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств	26
Засыпкин М. А. Оперативно-розыскная деятельность — вид деятельности, направленный на защиту национальных интересов (конституционно-правовой аспект)	29
Каримова Д. Э. Взаимодействие органов досудебного производства с государственными органами, учреждениями и общественными формированиями: опыт Республики Узбекистан	31

Каунов А. В. Особенности прокурорского надзора за осуществлением оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционное право на неприкосновенность жилища	36
Колобашкин А. В. Конституционное право человека и гражданина на компенсацию причиненного ущерба	40
Кошелев Е. В. Конституционно-правовые основания ограничения проведения оперативно-розыскных мероприятий	44
Луговик В. Ф. О конституционной основе антикриминального законодательства	48
Мурашов Д. Ю. Соблюдение конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет	52
Новодон В. В. Влияние правового режима осуществления оперативно-розыскной деятельности на формирование административно-правового статуса сотрудника уголовного розыска	55
Пинчук А. П. Решения Конституционного Суда РФ как регулятор оперативно-розыскных отношений	59
Пчоловский Н. К. Вопросы ограничения прав и свобод при осуществлении ОРД в решениях Конституционного Суда Российской Федерации	62
Пилюшин И. П. Порядок изменения следователем, дознавателем меры пресечения в виде заключения под стражу	64
Редкоус В. М. Определения оперативно-розыскной деятельности в законодательных актах государств-участников СНГ (сравнительно-правовой аспект)	71
Ситкина М. Н., Сон Э. В. Проблемы соблюдения конституционных прав человека в оперативно-розыскной деятельности	74
Соколов А. Б. Ограничение конституционных прав граждан на тайну переписки и иных сообщений при осмотре мобильного телефона: проблемы правоприменения	78
Супрун С. В. Ограничение конституционных прав граждан органом дознания при проведении ОРМ на основании поручения следователя, дознавателя	81
Титов П. М. Судебный контроль за оперативно-розыскной деятельностью	84

Туркина Н. Ю. Проведение оперативно-розыскных мероприятий при введении режима военного положения	87
Харевич Д. Л. Развитие личных прав человека в связи с компьютеризацией	89
Честнов А. В. Получение информации о результатах оперативно-розыскной деятельности	93
Шарифзода П. Р. Конституционно-правовые основы осуществления оперативно-розыскной деятельности в Республике Таджикистан . . .	95
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	101

Научное издание

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Редактирование и корректура О. В. Арефьева
Технический редактор П. В. Ярославцева
ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 27.06.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 90 экз. Заказ № 172.

Редакционно-издательский отдел
Отделение полиграфической и оперативной печати
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7